SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Эти биографические очерки были изданы около ста лет назад в серии «Жизнь замечательных людей», осуществленной Ф.Ф.Павленковым (1839-1900). Написанные в новом для того времени жанре поэтической хроники и историко-культурного исследования, эти тексты сохраняют ценность и по сей день. Писавшиеся «для простых людей», для российской провинции, сегодня они могут быть рекомендованы отнюдь не только библиофилам, но самой широкой читательской аудитории: и тем, кто совсем не искушен в истории и психологии великих людей, и тем, для кого эти предметы – профессия.

- Р. И. Сементковский
  -
  - Введение
  - Глава I. Детство и молодость Бисмарка
  - Глава II. Общественная деятельность Бисмарка
  - Глава III. Бисмарк – депутат
  - Глава IV. Бисмарк – дипломат
  - Глава V. Бисмарк – министр-президент
  - Глава VI. Бисмарк – союзный канцлер
  - Глава VII. Бисмарк – имперский канцлер
  - Общий вывод
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5

Р. И. Сементковский
Отто Бисмарк
Его жизнь и государственная деятельность
Биографический очерк

Портрет князя Бисмарка, гравированный в Лейпциге Геданом

Введение

Обыкновенно князя Бисмарка причисляют к самым знаменитым дипломатам новейшего времени и ставят в один ряд с Талейраном и Меттернихом. И действительно, своей ловкостью, своим умением одерживать так называемые дипломатические победы, блеском своей деятельности, резонансом, который она вызывала во всей Европе, князь Бисмарк несомненно заслужил такую же громкую известность, какой пользовались в первой половине истекающего (XIX) столетия Талейран и Меттерних. Но деятельность бывшего германского канцлера не ограничивается одной дипломатической областью. Называть Бисмарка только дипломатом – значит суживать его значение. Он не только дипломат, но и государственный человек в самом широком значении этого слова. Когда он начал принимать деятельное участие в государственных делах, Германия, как политическое целое, существовала только по имени. В самой Пруссии значение королевской власти было сильно подорвано. Перед Бисмарком стояла задача: во-первых, усилить и упрочить королевскую власть, во-вторых, доставить Пруссии решительное преобладание в Германии и, в-третьих, – слить все германские государства для успешной внутренней государственной деятельности и для защиты их внешних интересов. Эта задача была исполнена блестящим образом на протяжении каких-нибудь двадцати лет. Когда князь Бисмарк начал свою политическую деятельность, Германию уподобляли глупому Михелю в ночном колпаке и халате с тридцатью шестью заплатами; а менее чем четверть века спустя Европа уже имела дело с объединенным могущественным государством, голос которого пользовался преобладающим влиянием в совете держав.

Общественное мнение не только в самой Германии, но и в других государствах приписывает этот блестящий результат преимущественно бывшему германскому имперскому канцлеру. Таким образом, при оценке деятельности князя Бисмарка нельзя довольствоваться одной дипломатической его деятельностью: надо иметь в виду и его роль самого влиятельного государственного человека сперва в Пруссии, а затем и в Германской империи. Это тем более необходимо, что и дипломатическая его деятельность находится в самой непосредственной зависимости от главного события, с которым неразрывно связано его имя. Объединение Германии признается главной заслугой князя Бисмарка, и поэтому, излагая обстоятельства его жизни, мы должны иметь в виду главным

образом это событие. Вся его деятельность приводится, как его сторонниками, так и противниками, в связь с этим крупнейшим событием международной жизни Европы второй половины истекающего столетия, и обыкновенно соответственно делят жизнь и деятельность князя Бисмарка на три периода, из которых первый обнимает собой подготовительную деятельность к созданию Германской империи, второй посвящен осуществлению этой исконной мечты германского народа, а третий – упрочению достигнутого результата как во внутренней, так и во внешней жизни государства. Таким образом, жизнь и деятельность князя Бисмарка приобретает целостный характер: с ранней молодости до глубокой старости он был воодушевлен одной идеей, с железной последовательностью добивался ее осуществления и с замечательным искусством достиг своей цели. Таков легендарный князь Бисмарк; таким изображают его благодарные соотечественники; таков распространенный на него взгляд в других государствах. Посмотрим теперь, насколько проверенные и окончательно установленные факты соответствуют этому легендарному представлению о “человеке железа и крови”, о могущественном канцлере объединенной Германской империи. Разумеется, что при проверке этого распространенного взгляда нам придется руководствоваться лишь теми данными, что вполне точны, то есть строго избегать всего спорного и сомнительного; если наш биографический очерк вследствие этого утратит некоторую долю занимательности, то, с другой стороны, он ближе подойдет к истине, а следовательно, будет полнее соответствовать основной цели большинства читателей, которые ищут в биографиях замечательных людей не развлечения, а жизненной правды.

Глава I. Детство и молодость Бисмарка

Когда речь заходит о детстве и молодости Бисмарка, многочисленные его панегиристы оказываются в затруднении. Великие умы обыкновенно уже в ранней молодости чем-нибудь да отличаются от простых смертных; а между тем знаменитый канцлер Германской империи до 32-летнего возраста был самым заурядным человеком, так что решительно никто не мог предусмотреть в нем великого, прославленного всем миром деятеля. От других людей своей среды он отличался разве только тем, что все их характерные черты, притом отрицательного свойства, проявлялись в нем особенно резко. Поэтому, чтобы составить себе ясное представление о молодом Бисмарке, нам надо познакомиться со средой, в которой будущий германский канцлер вырос и вращался до начала политической своей деятельности.

Задача наша в значительной степени облегчается общеизвестностью отличительных черт этой среды. Кто не знаком с жизнью, нравами, воззрениями дворян-помещиков северо-восточной части Германии, всему миру известных под названием прусских юнкеров? Их нравы, их быт описаны очень ярко искусным пером Шпильгагена; их социальные и политические воззрения достаточно выяснены новейшей историей и хорошо знакомы всем, кто только следит за работами прусского сейма и германского рейхстага. Вспомним прежний помещичий быт с его веселой, разгульной жизнью, прерываемой лишь заботой о том, где бы получить денег для дальнейшего беззаботного житья. Прибавим к этому смутно сознаваемую необходимость заняться хозяйством, чтобы не прогореть окончательно, инстинктивное чувство превосходства над народом в узком смысле этого слова, разночинцами и мещанами, и обусловливаемое им сознание, что дворяне призваны господствовать над остальными общественными классами и вершить судьбы государства в союзе с церковью и правительством, – вспомним все это, и мы будем иметь довольно ясное представление о том, кем были прусские юнкеры, особенно в начале нынешнего столетия, когда родился князь Бисмарк.

Именно в такой помещичьей среде он увидел свет божий. Если атавизм может быть признан общим законом, то он вполне применим в данном случае. Предки будущего германского канцлера все были скроены как бы на один лад, а род Бисмарков

очень древний. Феодальный замок, от которого он ведет свое название, существовал уже в XII столетии. Это была твердыня гавельбергских епископов – Бископесмарк, переиначенный позднее народом в Бисмарк. Отдаленные предки германского канцлера защищали с оружием в руках эту феодальную твердыню от всяких покушений на ее безопасность. Впоследствии род Бисмарков, однако, отказался от военного ремесла и начал заниматься в соседнем Стендале портняжьим мастерством и продажею сукна. Но это продолжалось недолго, и в конце XIII столетия мы уже снова застаем род Бисмарков властелином феодального замка в той же местности, Бургшталя, дарованного ему за верную службу маркграфом Бранденбургским. Бисмарки владеют им благополучно более ста лет, служа в то же время верой и правдой своим сюзеренам. Один из последних, прельстившись лесными богатствами Бургшталя, вздумал вернуть себе это поместье и отнял его у Бисмарков, пожаловав им взамен поместье Шенгаузен. Это случилось в 1562 году, и с тех пор Бисмарки уже беспрерывно владели будущей родиной великого канцлера, постоянно служа верой и правдой маркграфам и курфюрстам Бранденбургским, позднее королям прусским и императорам германским. Сам Бисмарк отмечает следующую характеристическую черту своих предков: “Все они сражались против Франции: мой отец и трое его братьев – во время республики; мой дед – при Росбахе; мой прадед – против Людовика XIV, а его отец – тоже против Людовика XIV в маленьких войнах на Рейне. Некоторые из моих предков сражались в тридцатилетнюю войну в рядах императорских войск; другие, правда, держали сторону шведов. Один из моих предков сражался в рядах наемных войск за гугенотов”. Упомянув об этом интересном обстоятельстве и о воинственности своих предков вообще, князь Бисмарк вспомнил и об одном предке, который на службе у курфюрста Бранденбургского издержал 12 тысяч талеров на свой полк, надеясь их вернуть умелым ведением полкового хозяйства. Однако эти побочные доходы, которыми пользовались предки Бисмарка, не спасли их от постепенного разорения: Бисмарков притягивал Берлин, а участие в столичных великосветских удовольствиях стоило немало денег. Ко времени рождения будущего великого германского канцлера дела Бисмарков были сильно расстроены. Отметим еще другие характеристические черты предков князя Бисмарка. Управление поместьями и военное ремесло были главными их занятиями; главными же развлечениями для них служили охота, пиры, картежная игра. Ни один из предков Бисмарка, насколько известно, не отличился на каком-нибудь ином поприще. Военные

и охотничьи подвиги, гомерические кутежи, удаль, молодечество, – вот чем наполнялась их жизнь. Эту характеристику предков князя Бисмарка мы воспроизвели, руководствуясь собственными его словами, и не можем не придавать ей веры, потому что она вполне соответствует всем описаниям быта и жизни стародавнего дворянства не только в северо-восточной Германии, но и почти во всей Европе. Это был тип людей грубых, подчас буйных, склонных к разгулу, к излишествам в еде и питье, но закаленных в походах, в бою, на охоте, легко переносящих в случае надобности всякие физические лишения и верой и правдой отбывающих службу своим государям. Таковы были более или менее все предки Бисмарка, и мы увидим, что все эти характеристические черты с замечательной силой воплотились и в знаменитом германском канцлере, с той, однако, разницей, что его предки все без исключения остались заурядными людьми, а он достиг славы гениального деятеля. В заключение этой характеристики предков князя Бисмарка мы укажем еще на то, что один из них, под влиянием своего буйного нрава, совершил убийство и вынужден был бежать. Он попал в Россию, поступил на службу в Остзейском крае и женился на сестре жены Бирона. Состоя в должности рижского коменданта, оказал содействие избранию временщика в курляндские герцоги, затем, после падения Бирона, был сослан в Сибирь, но впоследствии помилован и кончил жизнь в Полтаве, занимая там опять видный военный пост. Должно быть, вспоминая о деятельности этого своего предка, германский канцлер любил говорить, что без содействия немцев России никогда не удалось бы сделаться объединенным, могущественным государством: как уже при самом основании Русского государства германский элемент в лице варягов сыграл большую роль, так и впоследствии он постоянно оплодотворял собой “женственную славянскую натуру”. Успехами культуры и водворением порядка во все отрасли администрации Россия обязана главным образом немцам. Если в этой мысли есть доля истины, то трудно согласиться, что эту услугу оказали России немцы покроя предков князя Бисмарка, которые об успехах культуры заботились мало как у себя дома, так и в чужих странах, а представляли собою только всюду распространенный тип поземельных дворян с их отличительными в прежние века отрицательными и положительными свойствами.

Вникнув в этот тип, мы легко уясним себе уже a priori[1], как должны были сложиться детство и молодость знаменитого германского канцлера. Несколько слов об его отце и матери окончательно разъяснят нам дело. Отец его, Фердинанд Бисмарк,

юношею поступил на военную службу, так что двадцати одного года мог уже принять участие в походе герцога Брауншвейгского во Францию, но тотчас же по окончании этой войны вышел ротмистром в отставку и поселился в своем Шенгаузенском поместье. Это был служака в полном значении слова. Впоследствии он любил рассказывать своему сыну, что, когда находился на службе, аккуратно вставал в четыре часа утра, чтобы выдать солдатам овес. Строгое исполнение служебных обязанностей было отличительной его чертой, в этом духе он вел и воспитание своих детей; но сердце его лежало не столько к службе, сколько к тем развлечениям, которые доставляла ему жизнь в деревне. Охота, верховая езда, пирушки – вот чем наполнялась его жизнь, за исключением забот, посвященных управлению имением. Но, очевидно, перечисленные нами удовольствия и развлечения мешали правильному ведению хозяйства, потому что дела его пришли в расстройство. Этому отчасти способствовала и его женитьба. В Берлине он познакомился с дочерью видного чиновника, известного и некоторыми публицистическими работами, Менкена, и женился на ней. Мать будущего знаменитого канцлера слишком свыклась со светской и придворной жизнью Берлина и скучала в шенгаузенском деревенском захолустье. Она рвалась в Берлин, поэтому супруги проводили зимние месяцы обыкновенно в столице, где постоянно имели квартиру. Отцу жилось привольнее всего в деревне, мать дорожила городской жизнью, требовавшей значительных расходов, так как родители будущего канцлера вращались в придворных кругах и, следовательно, вынуждены были соответственно устроить и свою жизнь. Если отец Бисмарка мечтал о том, чтобы сделать из сына образцового помещика, то мать хотела его определить на государственную службу и сделать из него блестящего дипломата. Отец обучал его с раннего детства верховой езде, брал с собой на охоту, а мать заботилась о том, чтобы у него были хорошие манеры, чтобы он умел бегло говорить по-французски и по-английски. Под влиянием матери он шестилетним ребенком был определен в одно из берлинских учебных заведений, где воспитание детей велось со строгим соблюдением педагогических принципов Песталоцци.

Это случилось весной 1821 года. Отсюда видно, что знаменитый канцлер родился в 1815 году, именно 20 марта (1 апреля), – в том году, когда в Вене заседал конгресс, вершивший судьбы Европы после падения Наполеона I, и был заключен пресловутый Священный союз. Год рождения Бисмарка, таким образом, совпал с возникновением международной комбинации, основы которой во многих отношениях совпали с теми

принципами, которых придерживался Бисмарк в течение всей своей жизни. Но крупные исторические события того времени мало занимали обитателей Шенгаузена. Все внимание их было поглощено более близкими им делами. Благодаря наследству отец будущего канцлера вступил во владение новыми поместьями в Померании, в Наугардском уезде, и в следующем же году он переселился туда, в имение Книпгоф, где Бисмарк и провел первые свои детские годы. Он рос на свободе, проводя дни по большей части на свежем воздухе, откармливаемый на славу родителями. Поэтому неудивительно, что переселение в Берлин, в школу, где было и мало воздуха, и мало света, где воспитанников приучали к спартанскому образу жизни, где их плохо кормили и постоянно регламентировали, очень не понравилось Бисмарку. Он никак не мог примириться со своей новой жизнью; но, как видно из его рассказов, главным образом его огорчал недостаток пищи, тех лакомых и обильных блюд, к которым он привык у родителей. “Мясо, которое нам давали в школе, – жаловался он, – отличалось особенным свойством: оно было мягко, но его никак нельзя было разжевать, словно кусок резинки”. Некоторое утешение доставляли ему только забавы и игры на свежем воздухе. Тут он сразу достиг авторитетного положения среди своих товарищей: деревня дала ему силу, ловкость, и когда происходили сражения снежками, то атаманом всегда был крепыш Отто, будущий великий канцлер. Уроками он весьма мало интересовался; несколько занимала его разве история, в особенности же рассказы о Троянской войне, которою он увлекался до того, что иногда вслух читал своим товарищам эпизоды из нее. Все это вместе взятое доставило ему кличку Аякса. Кровь сказалась в нем уже тут: любил он покушать, при случае подраться, а воображение его прельщали военные подвиги. Блаженствовал он только летом, когда родители увозили его в деревню, где он мог с отцом скакать на лошади или охотиться в бесконечных тогда еще померанских, лесах.

Так провел Бисмарк еще шесть лет до поступления своего в гимназию. Тут жилось ему сравнительно привольнее, потому что родители не определили его в пансион, но позволили ему жить вместе со старшим братом в их городской квартире под присмотром француза-гувернера, мосье Гало, который репетировал с ними уроки, и деревенской няньки и стряпухи Трины (Катерины), которая откармливала их на убой разными вкусными блюдами, – разнообразными оладьями, яичницами, начиненными гусями. Попечения этой Трины оказывались более действенными, чем попечения мосье Гало, которого пришлось скоро уволить вследствие недостаточных успехов молодого

Бисмарка в науках. Но Трина делала свое дело: она, по крайней мере, удерживала его дома, соблазняя любимыми блюдами.

Но откармливать его на убой можно было и в деревне, в Берлине же юному Бисмарку надо было преуспевать в науках, а науки ему, видимо, не давались. Поэтому после конфирмации в 1830 году, совершенной знаменитым богословом и философом Шлейермахером, пятнадцатилетний Отто Бисмарк был переведен в другую гимназию. Но и тут его успехи в науках оказались недостаточными, и тогда пришлось прибегнуть, как водится, к решительному средству, то есть отдать его в пансион к одному из учителей, который взялся подготовить Отто к выпускному экзамену. Хотя Бисмарк неохотно оставался в мезонине, где ему отведено было помещение, и предпочитал проводить время в беседе с женой этого учителя, однако он все-таки благополучно окончил в 1832 году гимназический курс. Биографы утверждают, что он из школы вынес кое-какие знания только по истории; кроме того, прекрасно владел французским и английским языками, но это, конечно, было результатом домашнего воспитания. Успехи его в науках при нерасположении, которое он к ним питал, разумеется, не могли быть значительны.

В том же году началась университетская жизнь семнадцатилетнего Бисмарка: он поступил в Геттингенский университет – вероятно, потому, что родители опасались соблазнов столичной жизни и не верили, чтобы наука могла служить для молодого Бисмарка достаточным противовесом. Вскоре, однако, оказалось, что Бисмарк и в Геттингене вполне сумел воспользоваться свободой, которая ему была предоставлена после утомительного корпения над гимназическими учебниками. Один из родственников родителей снабдил его рекомендательным письмом к знаменитому геттингенскому профессору Гуго, прося его принять молодого студента под свое особенное попечение. Нет сомнения, что ученый готов был сделать все что мог, чтобы внушить молодому Бисмарку любовь к науке. Глубокие знания Гуго известны всем юристам; не менее он известен своею добросовестностью как преподаватель. Но на молодого Бисмарка он повлиять не мог уже по той простой причине, что тот решительно отказался посещать его лекции, и по прошествии трех полугодий, проведенных Бисмарком в университете, знаменитому ученому пришлось только сделать в его бумагах отметку: “Студента Бисмарка я в моей аудитории ни разу не видел”. Другие профессора его также в своих аудиториях не видели, и случилось это по весьма простой причине: у Бисмарка было дел по горло, и эти дела предписывались, конечно, не любовью к науке, а теми влияниями, которым он

подчинился в родительском доме, кровью, которая текла в его жилах, привычками и наклонностями, которые он унаследовал от своих предков. Покушать, выпить, размять члены, накуролесить, совершить подвиг в духе среды, в которой он вырос, и в пределах, ему доступных, – вот на что были направлены ум и чувства молодого Бисмарка. Попойки, кутежи, бесконечные дуэли, безобидные, но подчас и дикие выходки наполняли жизнь Бисмарка во время пребывания в Гетгингенском университете. Он сам неоднократно с видимым удовольствием рассказывал, что дрался на дуэли в течение этих восемнадцати месяцев двадцать восемь раз, что ранен был только однажды, и то вследствие случайности: у противника выскочил клинок из эфеса и попал ему в щеку. Но никто не победил Бисмарка: он был таким искусным дуэлянтом, что с ним не могли справиться даже самые опытные в этом деле студенты. Всякий поймет, сколько времени он должен был употребить, чтобы дойти до такой ловкости, до такой меткости и силы удара. Но он достиг виртуозности не только в этом отношении. Он превзошел всех своих товарищей и на другом поприще: перепить Бисмарка тоже никто не мог. Противники его валились со стульев и беспомощно покоились под столом, но Бисмарк продолжал победоносно пить, вызывая удивление своих товарищей. А когда дело доходило до какой-нибудь дикой выходки против мирных бюргеров, Бисмарк был всегда зачинщиком и вожаком. С ним опасно было иметь дело. Когда его вызывали в университетский суд за какой-нибудь проступок, он являлся туда в халате и ермолке, с традиционной длинной трубкой в зубах, приводя всех в недоумение своим бесцеремонным костюмом. Когда профессор делал в его бумагах неблагоприятную для него отметку, он выбивал у него стекла в квартире, но из почтения к его дочерям делал это леденцами или пряниками. Когда кто-нибудь осмеливался ему противоречить, он немедленно оскорблял его и вызывал на дуэль. Словом, необузданность его натуры проявилась тут во всем блеске, вся жизнь Бисмарка текла по избитому старому руслу, освященному бесконечным рядом предшественников и последователей. Прибавим к этому, что никаких умственных интересов в нем не замечалось. Биографы его указывают только на один случай, когда он как будто вышел из роли самого заурядного бурта и проявил патриотическое чувство. Это известный эпизод с американцем Кофином, некоторое время слушавшим в Геттингенском университете лекции. Кофин пренебрежительно отнесся к германскому Михелю; Бисмарк вступился за свое отечество, и дело кончилось дуэлью, на которой Бисмарк исполосовал своему противнику физиономию свойственными ему

меткими ударами. Затем, как водится, состоялось примирение, и за пивом бывшие противники держали пари: Кофин утверждал, что Германия никогда не объединится, а Бисмарк самоуверенно заявил, что она объединится не позже как через двадцать лет. Когда этот срок прошел, то есть в 1853 году, и об объединении Германии не могло быть еще и речи, Бисмарк навел справки о своем бывшем противнике, чтобы послать ему проигранные 25 бутылок шампанского; но тот давно уже променял земную жизнь на лучшую, – недаром у него была такая зловещая фамилия (coffin – гроб). Надо, однако, отметить, что этот случай ничего в сущности не доказывает, потому что объединенная Германия давно уже составляла мечту всех лучших людей Германии и германской молодежи; а что сам Бисмарк этою мечтою не особенно увлекался, а рад был только придраться к любому поводу, чтобы повздорить и поспорить, доказывает уже тот факт, что он не примкнул ни к одной из студенческих ассоциаций, поставивших себе целью содействовать по мере сил объединению Германии.

Во всяком случае, Бисмарк никакого интереса к науке не проявлял, и это сильно смущало его родителей, в особенности мать, которая с нетерпением ожидала окончания им университетского курса и поступления на службу. Очевидно, сын далек был от осуществления ее мечты о блестящей дипломатической карьере. По настоянию матери он перешел из Геттингенского университета в Берлинский. Должно быть, она надеялась, что под более близким ее присмотром ученые занятия сына пойдут лучше. Но и тут надежды ее не оправдались: молодой Бисмарк продолжал кутить и по-прежнему не посещал лекций; только под конец своего пребывания в университете он как будто одумался и решился прослушать курс государственного права у Савиньи. Но с первой же лекции он убедился, что вследствие полной неподготовленности не может с успехом следить за преподаванием. Между тем время выпускных экзаменов приближалось, и Бисмарк, по совету родителей, прибег к обычному в этих случаях средству недорослей из дворян, то есть нанял репетитора и при его содействии сдал весною 1835 года несложный в то время экзамен для получения права поступить на государственную службу. Разумеется, вынесенные им из университета знания при таких условиях не могли быть основательны. Он, правда, состоял в течение трех лет на юридическом факультете, но лекций, как мы видели, не слушал, ничего не читал и только к экзамену вызубрил несколько учебников, то есть приобрел знания, которые, конечно, у него скоро улетучились.

В том же году он поступил на службу сверхкомплектным чиновником в берлинский городской суд по отделению мелких дел. Но и тут его основное настроение, его привычки и наклонности сказались очень скоро. Он относился к исполнению своих служебных обязанностей весьма небрежно, редко бывал на службе, а когда являлся, то непременно совершал какие-нибудь выходки в духе прежних студенческих проделок. В посетителях он видел своих непримиримых врагов и обращался с ними крайне грубо. Приведем для примера следующий случай. Входит в суд словоохотливый берлинец из ремесленников и с необычайной обстоятельностью излагает свое дело с совершенно излишними подробностями. Бисмарк неоднократно прерывает его, но тот не унимается и все повышает голос. “Если вы не замолчите, я вас вытолкаю”, – вспылил наконец Бисмарк. Его останавливает кроткий судья. “Это уже мое дело, господин Бисмарк”, – произносит он флегматично. Тем временем берлинец продолжает ораторствовать, все повышая голос. Бисмарк вскакивает и гремит: “Молчать, или я вас вытолкаю при содействии господина судьи”. Подобные сцены повторялись очень часто, и дело кончилось тем, что Бисмарку пришлось оставить место сверхкомплектного чиновника в берлинском городском суде. Благодаря связям в придворных кругах, ему скоро удалось приискать себе новое место в Аахене, в канцелярии тамошнего губернатора. Но и тут он не оправдал надежд матери. На этом курорте летом собиралось великосветское общество из всей Европы, – очень много аристократических семейств из Франции, Англии и России, и Бисмарк весь ушел в светские удовольствия. Он с детства прекрасно владел французским и английским языками, манеры его были безукоризненны, вообще, благодаря матери, он приобрел лоск светского человека и поэтому чувствовал себя среди родовитых туристов как дома. Не довольствуясь шумною аахенской жизнью, он совершал еще экскурсии во Францию, в Бельгию, по Рейну. Но все это стоило больших денег и мало двигало его служебную карьеру. Родители опять стали настаивать, чтобы он переменил место службы, и осенью 1837 года он поступил на службу в Потсдам, а вместе с тем стал отбывать и воинскую повинность в качестве вольноопределяющегося. Его начальник сделал ему следующую аттестацию: “Молодой Бисмарк мог бы далеко пойти по службе, если бы он только не питал к ней отвращения”. Значит, и тут он остался себе верен. Канцелярская деятельность внушала ему явное нерасположение, подобно тому, как раньше он тяготился пребыванием в школе и никак не мог примириться с установленной в ней дисциплиной. Между тем мать его тяжело

заболела, отец также начал похварывать, и надо было подумать о том, кто примет на себя управление поместьями. Решено было часть их предоставить старшему брату, а часть – будущему германскому канцлеру, тем более, что дела старика Бисмарка пришли в сильное расстройство, и задолженность его имения приняла тревожные размеры. Старший сын, Бернгард, деятельно занимался хозяйством и был подготовлен к управлению имениями, но младший, знаменитый Отто, собственно, еще ничем серьезным в жизни не занимался: он превосходно скакал на коне, умел владеть оружием, страстно любил охоту, ел за троих, мог перепить кого угодно, но никаких знаний теоретических или практических не приобрел. Ввиду всех этих обстоятельств он попросил разрешения отслужить второе полугодие в качестве вольноопределяющегося в Грейфсвальде, так как там по соседству был сельскохозяйственный институт, где он собирался слушать в свободное время лекции, чтобы подготовиться к роли сельского хозяина. Сомнительно, однако, занялся ли он и на этот раз серьезно делом. Во всяком случае, известно, что он уже весною следующего года вступил в управление частью поместий, похоронив тем временем столь горячо его любившую мать. Таким образом, с 1839 года начинается новый период в жизни Бисмарка. Он становится сельским хозяином и до 1851 года на государственную службу более не поступает.

Глава II. Общественная деятельность Бисмарка

Во время своей двенадцатилетней жизни в деревне Бисмарк занимал разные общественные должности: то в качестве помощника старшего брата, то в качестве инспектора плотин, то в качестве депутата провинциального и, наконец, общепрусского сейма. Но прежде чем охарактеризовать его общественную службу, мы должны сказать еще несколько слов о нем как о сельском хозяине и помещике вообще.

Именно в это время будущий германский канцлер заслужил прозвище “сумасшедший Бисмарк”, а в местности, где он жил, сложилась поговорка: “Нет, еще мало, говорит Бисмарк”. Это прозвище и эта поговорка бросают яркий свет на подвиги, совершенные им в качестве помещика. Собственно, он продолжал прежнюю свою жизнь. Сельским хозяйством занимался мало и не привел в порядок дел своего отца. Одно только можно сказать, что при нем задолженность имений не увеличилась; но этот результат, по-видимому, достигнут главным образом его братом, потому что самому Бисмарку некогда было заниматься делами. Его слишком поглощала деятельность иного рода. В обществе у него не было недостатка: соседние помещики, и в особенности офицеры расположенных в Наугардском уезде войск, составляли ему компанию в кутежах, на охоте, в разного рода экскурсиях и были завсегдатаями в Книпгофе, который со времени приезда туда Бисмарка на постоянное местожительство был общею молвою переименован в Кнейпгоф (кабак). Попойки, кутежи, игра в карты, охота, верховая езда, стрельба в цель, – вот что занимало Бисмарка и его товарищей. Стрелок он был превосходный, из пистолета подстреливал уткам головы на пруду, попадал на лету в брошенную карту; наездник он был лихой, долго сохранял эту страсть и несколько раз чуть не поплатился жизнью за бешеную верховую езду. Однажды они возвращались с братом домой и гнали лошадей что есть мочи. Вдруг брат слышит сильный удар: это будущий канцлер слетел с лошади и ударился головою о камень на шоссе. Лошадь испугалась фонаря и сбросила его. Бисмарк потерял сознание. Когда же он пришел в себя, с ним произошло нечто весьма странное. Он осмотрел лошадь и нашел, что седло сломано; позвал конюха, сел на его лошадь и отправился домой. Собаки его встретили лаем, но он их принял за чужих собак и рассердился. Потом он стал рассказывать, что его конюх упал с лошади и что необходимо послать за ним

носилки. Когда же брат сделал знак, чтобы за конюхом не ходили, он опять рассердился и спросил: “Неужели мы этого человека оставим там в беспомощном состоянии?” Словом, он принимал себя за конюха или конюха за себя. Затем он потребовал покушать, лег спать, а на другой день был совершенно здоров. Другой раз тоже в глухом лесу, далеко от дому, он упал вместе с лошадью и потерял сознание. Так он лежал около трех часов. Когда же, наконец, очнулся, снова сел на коня и в темноте добрался до соседнего имения. Тут люди испугались, увидев рослого седока, у которого все лицо и руки были в крови. Когда доктор его осмотрел, он заявил, что не сломать себе шеи при таком падении противоречит всем правилам искусства. Мы привели эти два случая со слов самого Бисмарка. Страсть к верховой езде он сохранял еще долго и впоследствии в Варцине сломал себе три ребра при падении с лошади.

Другую страсть, или, точнее говоря, привычку, приобретенную также уже в детстве, но особенно развившуюся в этот период времени, он сохранил на всю жизнь. Это привычка поглощать неимоверное количество пищи. Он сам острит, что если бы в стране было много таких едоков, как он, то государство обанкротилось бы и ему пришлось бы выселиться из Германии. В 1870 году во время французской кампании, то есть когда ему было 55 лет, он жаловался, что может зараз съесть только три крутых яйца: “Недавно еще, – пояснял он, – я съедал зараз по одиннадцать штук без всякого вреда для здоровья. Не выпив и не покушав сытно, я не могу заключить хорошего мира”, – шутил он. В Книпгофе портер и шампанское не сходили со стола. Редкая неделя обходилась без какой-нибудь гомерической попойки. Как Бисмарк пристрастился к вину, показывает следующий, рассказанный им самим факт. Раз как-то во время придворной охоты (это было при Фридрихе-Вильгельме IV) король предложил присутствующим выпить шампанского из оленьего рога, принадлежавшего Фридриху-Вильгельму I и имевшего такую форму, что из него надо было пить, не касаясь края губами. В этот оригинальный сосуд можно было влить около бутылки шампанского. Шампанское было подано по обыкновению очень холодное. Бисмарк первый вызвался осушить сосуд, выпил шампанское, не проронив ни одной капли на свою белую жилетку, и попросил у короля позволения осушить его вторично. “Но король этому воспротивился”, – с сожалением прибавляет Бисмарк. В другой раз праздновался какой-то военный юбилей и обновлялся новый кубок, вмещавший бутылку вина. Бисмарк его тоже осушил залпом, приведя всех в изумление. К кубкам он вообще питает страсть и составляет в своих имениях целые

коллекции разнообразнейших кубков, жалуясь, что у него их расхищают во время его отсутствия. Но если Бисмарк и в преклонные годы поражал всех своею способностью есть и пить, то легко себе представить, какие подвиги он совершал на этом поприще в то время, когда все его называли “сумасшедшим Бисмарком” и когда сложилась поговорка: “Нет, еще мало, говорит Бисмарк”.

От одной страсти, приобретенной в это время, он, однако, отделался сравнительно рано, то есть тотчас после женитьбы. Мы говорим о страсти к картам. Когда он еще хозяйничал в Книпгофе, ему случалось, по его собственным словам, играть до двадцати робберов кряду, на что, по его расчету, требуется не меньше семи часов. Впоследствии он совершенно отказался от карточной игры и прибег к ней только однажды в виде дипломатической уловки... Это было во время заключения Гаштейнского договора. Австрийский дипломат не знал в точности, решительный ли характер у Бисмарка, и имел неосторожность в разговоре заметить, что при карточной игре отлично можно узнать характер человека. На другой день Бисмарк предложил ему сыграть в карты и проявил большой азарт, делая крупные ставки. Он проиграл значительную сумму, но убедил австрийца, что он – решительный человек.

Итак, карты, вино, охота, стрельба в цель, верховая езда, пиры, – вот чем наполнялась жизнь Бисмарка, когда он жил у себя в имении помещиком. Кроме того, он иногда путешествовал, ездил во Францию, побывал и в Италии. Из всего этого видно, что у него была очень деятельная натура, но что избыток сил был направлен, в сущности, на очень низменные предметы, так что все признавали его заурядным человеком, отличающимся от других разве только бурным нравом. Биографы упоминают, впрочем, что Бисмарк в эту пору своей жизни иногда отказывался от всех отмеченных нами развлечений и вдруг принимался читать запоем. Читал он всевозможные книги без всякого разбора. И впоследствии, когда он уже был прусским министром-президентом, он любил читать романы. Тем более, конечно, в изучаемое нами время он занимался преимущественно легким чтением, затем еще просматривал книги исторического содержания, к которым он, как мы видели, питал некоторую склонность еще в школе. Биографы упоминают еще о сочинениях Спинозы, причем высказывают предположение, что эти знания не могли не отразиться на позднейшей деятельности Бисмарка. Но надо заметить, что отвлеченная мысль всегда была чужда уму германского канцлера, его занимали только реальные интересы. Подобно Наполеону I, он питал инстинктивное нерасположение

ко всяким спекулятивным теориям, даже политическую экономию признавал наукою несостоятельною. Впрочем, об этом впоследствии. Мы хотим теперь только выяснить, что, уделяя между кутежами и разными развлечениями этого рода некоторое время книжным занятиям, он подчинялся другим побудительным мотивам. Дело в том, что во время этих кутежей беседа не могла не касаться и политических вопросов. Как раз в эти годы, когда Бисмарк зажил помещиком, произошла перемена царствования. На престол вступил Фридрих-Вильгельм IV, вспомнивший о данном прусскими королями еще во время освободительной войны обещании даровать своему народу конституцию. Умами овладела надежда, что теперь обещание будет исполнено. Эти надежды отчасти сбылись: созваны были провинциальные сеймы, затем соединенный сейм; подготовлялись события 1848 года.

В такой момент общих ожиданий, конечно, и в провинции разговоры вертелись около политических вопросов, и будущий германский канцлер невольно начал ими увлекаться. Все говорили о политике, начал говорить о ней и Бисмарк, желая и в этом отношении перещеголять других резкой мыслью, метким замечанием. Но толковать о политике, располагая весьма скудными знаниями, производить впечатление без всякой подготовки было, конечно, трудно, – и вот мы видим, что Бисмарк берется за книгу и начинает читать с той же страстностью, с какою он раньше предавался разным видам спорта. Надо сказать, что он и в этом отношении достиг цели, то есть обратил на себя внимание своих товарищей по кутежам, соседей-помещиков. Теперь во время кутежей он поражал их не только способностью выпить бессчетное число стаканов вина, но и своими смелыми суждениями в политических вопросах. Прибавим к этому, что он составил себе тогда репутацию либерала. Но по мере того, как волна либерализма все сильнее охватывала умы, он из ярого либерала превращался в консерватора, поражая собутыльников отсталостью своих политических суждений.

Прежде чем коснуться этой метаморфозы и вообще той видной роли, которую сыграл Бисмарк как общественный деятель во время революции 1848 года, мы должны еще указать на некоторые факты из его частной жизни. Итак, с 1839 по 1847 год, то есть в течение восьми лет, совпавших с расцветом его сил, он прожил в деревне в обществе соседей-помещиков и офицеров, предаваясь сельским удовольствиям и лишь под конец этого периода заглядывая в книги, чтобы найти в них материалы для затрапезных бесед. Само собою разумеется, что эти восемь лет, проведенные в такой обстановке, не могли не отразиться на его миросозерцании и окончательно укрепили его в тех взглядах и

понятиях, которые он всосал с молоком матери и которые не нашли себе противовеса ни в школьном образовании, внушавшем, как мы видели, Бисмарку большое нерасположение, ни в университетском преподавании, совершенно не коснувшемся его ума, ни наконец в науке, к которой Бисмарк не питал никакой любви. Если он родился и воспитывался в помещичьей среде и смолоду проникся ее понятиями и взглядами, то восьмилетнее пребывание в той же среде, в обществе так называемых прусских юнкеров, должно было окончательно закалить его в этих взглядах и понятиях. Он не ощущал никакого стремления вырваться из этой среды; напротив, он чувствовал себя в ней хорошо и ему недоставало разве только более широкого поприща для приложения избытка сил его здоровой, мощной натуры, которую ему не удалось разрушить ни бесконечными кутежами, ни разными сомнительными подвигами: дуэлями, бешеной верховой ездой и так далее. В этом избытке физических сил заключался источник той кипучей деятельности, которую он постоянно проявлял. Идея тут не играла никакой роли, не обусловливалась она и нервной организацией; напротив, Бисмарк всегда оставался спокойным – и на дуэлях во время студенчества, и за стаканом вина, когда у других кровь разгорячалась, и позже в парламенте, когда противники осыпали его градом насмешек, и в те минуты, когда жизни его угрожала очевидная опасность. Он чувствовал себя постоянно сильным, и это чувство объяснялось тем, что он действительно был силен, – силен мышцами, нервами, правильным кровообращением и питанием, словом, своей железной физической организацией. Характерен в этом отношении следующий факт. В 1846 году, следовательно, когда ему был 31 год, он темной осенней ночью возвращается по берлинским улицам домой и наталкивается на какого-то господина, который, сильно подвыпив, ищет с ним ссоры. Бисмарк узнает в нем одного из своих собутыльников, и встреча кончается миролюбиво: они вместе отправляются в пивную, чтобы выпить еще по кружке. Товарищ, однако, тут же засыпает, а Бисмарку пиво приходится по вкусу, и он продолжает пить. За соседним столом бражничает какая-то компания также сильно подвыпивших людей. Одному из них физиономия Бисмарка не нравится, и он начинает подшучивать над ним; Бисмарк молчит. Тогда шутник подходит к нему и уже прямо в упор его спрашивает, не глух ли он; Бисмарк ничего не отвечает. Тот наконец берет кружку пива и со словами: “Вас, кажется, надо окатить, чтобы вы пришли в чувство”, – собирается вылить ему кружку пива на голову. В этот момент, однако, происходит нечто неожиданное: метким ударом в зубы Бисмарк валит своего

противника, так что тот падает навзничь. Совершив это, Бисмарк снова садится, освежается глотком пива и спрашивает с невозмутимым спокойствием товарищей обиженного, не желают ли они от него удовлетворения? Затем он оставляет им свою карточку и удаляется.

Проявившаяся в этом случае уверенность в себе, хладнокровие в минуту опасности, меткость верно рассчитанного удара составляют характеристические признаки Бисмарка, доставившие ему не одну победу в жизни. Успехи, которых он достигал благодаря этим свойствам своей натуры еще в школе, когда руководил товарищами во время сражений со снежками, в университетские годы на дуэлях, затем во время той или другой угрожавшей ему опасности, внушили ему чувство, столь необходимое в житейской борьбе, а именно самоуверенность. Соединение этих качеств невольно внушало почтение к его личности – то почтение, которое обусловливается силой. Бисмарк отличался не только исполинским ростом, крепкими мышцами и нервами, но и сильным духом, не страшившимся никакой опасности и хладнокровно выдерживавшим всякую борьбу. То, что устрашало других, его не устрашало. Вот почему его школьные и университетские товарищи относились к нему с почтением, вот почему соседи-помещики его побаивались, вот почему, когда он был произведен из рядовых в офицеры ландвера, он пользовался расположением своих товарищей. В этом отношении он всегда оставался себе верен, что подтверждают и следующие два характерных эпизода рассматриваемого нами периода его жизни.

В качестве офицера ландвера он был прикомандирован к уланскому полку, расположенному в Трептове и Грейфенберге. Денщик его купал в озере лошадь в то время, как он сам со своими товарищами-офицерами и некоторыми дамами стоял на берегу. Денщик ушел слишком далеко в озеро и начал тонуть. Бисмарк, не задумываясь ни на минуту, сбросил с себя мундир и сапоги и отправился спасать денщика. Утопающий схватился за него, и они чуть было оба не погибли; но и тут Бисмарк проявил все свое хладнокровие. Ему удалось высвободиться, и он поплыл к берегу, толкая перед собою денщика... Оба спаслись. За этот подвиг он был награжден медалью за спасение утопающих, и впоследствии, когда его спрашивали, как он заслужил эту медаль, он говорил: “Мне иногда приходит в голову спасти человеческую жизнь”. Но это в устах его, конечно, не более чем фраза. Он никогда более человеческих жизней не спасал, а губил их бесчисленное множество с тем же хладнокровием, с каким он спас своего денщика. В данном случае он вовсе не

руководствовался чувством самоотвержения, просто в нем играл избыток сил. В противном случае, конечно, вся его деятельность сложилась бы иначе, и он не заслужил бы прозвища “человек крови и железа”. Мы впоследствии увидим, как безучастно он относился к гибели людей, как мало его трогало зрелище ужасного кровопролития. Теперь же мы хотели только подтвердить решительность и смелость его натуры, проявившиеся еще в молодости.

Ту же решительность он проявил, когда вздумал жениться. Это было незадолго до появления его в Берлине в качестве народного представителя. На свадьбе одного из своих друзей он впервые увидел будущую свою жену, Иоганну Путткамер. Незадолго перед тем умер его отец (в 1845 году), и они с братом разделили свои поместья – так, что Шенгаузен (в прусской Саксонии) и одно из померанских поместий остались за ним, а остальные поместья достались старшему брату. Он решил жить в Шенгаузене и с тех пор стал называться двойной фамилией – Бисмарк-Шенгаузен. Но, расставшись с братом, он почувствовал себя одиноким в доме и подумал, что ему пора жениться. Тут случилась встреча с его будущей женой. Во второй раз он встретил ее летом, когда путешествовал с другом. Он ближе познакомился с Иоганной Путткамер и, недолго думая, написал ее родителям письмо, в котором просил ее руки. Те пришли в ужас от этого предложения: “сумасшедшего” Бисмарка они зятем иметь не хотели, они просто его боялись. Узнав об этом их настроении, он явился к ним в дом и начал беседу с того, что обнял и поцеловал свою будущую жену, обращаясь к родителям со словами: “Соединенное Богом люди разлучать не должны”. Таким образом, и жену он взял с бою. Раскаяться ему не пришлось. Он впоследствии неоднократно говаривал: “Вы представить себе не можете, что из меня сделала эта женщина”. И действительно, со времени женитьбы Бисмарк изменяет свой прежний образ жизни. Он становится хорошим семьянином, и скрытые в нем силы начинают проявляться уже в другом направлении. Надо заметить, что женитьба совпала с его появлением в соединенном ландтаге, как тогда назывался прусский сейм, в который он попал случайно, вследствие внезапной болезни депутата того уезда, в котором находился Шенгаузен.

Глава III. Бисмарк – депутат

С первого же своего появления на ораторской трибуне в соединенном ландтаге Бисмарк выступил ярым консерватором и притом против своих же политических товарищей, то есть представителей прусской юнкерской партии, из числа которых некоторые подчинились духу времени. Либеральные веяния тогда преобладали во всех германских государствах и, понятно, находили себе полное выражение в народном представительстве. Это была волна, внезапно охватившая всю интеллигенцию. Мы не можем здесь коснуться этого широкого движения. Для наших целей достаточно отметить только главные факты, имеющие непосредственное отношение к деятельности Бисмарка. Чтобы понять, как сильно было тогдашнее движение, достаточно упомянуть о том, что оно привело к созданию наряду с правительствами, правившими своими народами почти самодержавно, самостоятельного правительственного учреждения во Франкфурте-на-Майне, так называемого подготовительного парламента, которому германские народы подчинились добровольно и который, в свою очередь, создал Национальное собрание, настолько сильное, что оно могло предложить прусскому королю германскую императорскую корону. Конечно, трудно выяснить, к чему бы привело это движение, если бы прусское правительство решилось принять предложенную ему корону, то есть стать во главе движения и осуществить уже в то время мечту всех просвещенных немцев. Защитники тогдашней политики прусского правительства говорят, что принятие императорской короны неизбежно привело бы его к войне с Австрией и что император Николай Павлович, вероятно, вступился бы за последнюю, потому что не сочувствовал брожению, происходившему в Германии. Но надо заметить, что в то время Австрия была настолько слаба, что даже не могла справиться с национальным движением мадьяр и вынуждена была призвать на помощь русские войска. Само собою разумеется, что она тем менее могла бы одолеть национальное движение всего германского народа, особенно если бы во главе его стала Пруссия. Этот решительный шаг, по всей вероятности, обезоружил бы и императора Николая, потому что то, что могло казаться революционным, пока германские народы действовали против воли своих правительств, приобрело бы легальный характер, если бы эти правительства сами руководили движением, направленным к фактическому объединению Германии, de jure[2] объединенной международным соглашением,

то есть Венским конгрессом 1815 года.

Но, еще раньше чем выяснились результаты этого движения, то есть еще до наступления событий 1848 года, Бисмарк в качестве депутата, со свойственным ему бурным натиском, становится в оппозицию к этому национальному движению. В первой же своей речи, произнесенной 5 (17) мая 1847 года, он с необыкновенной ясностью устанавливает свою прямолинейную точку зрения. Один из ораторов, также представитель юнкерской партии, заметил, что подъем народного духа во время освободительной войны против Наполеона был результатом единения правительства с народом, законодательства 1807 года, устранившего разобщение между этими двумя факторами государственной жизни. Бисмарк в решительной речи выступил против этого взгляда на дело и провел ту мысль, что не единение между правительством и народом послужило причиною подъема национального духа, а исключительно желание освободиться от иноземного властителя, и что в других объяснениях не представляется никакой надобности, что этим сказано все. Затем, когда один из депутатов высказался в пользу ежегодного созвания сейма, хотя правительство настаивало на четырехлетних промежутках, Бисмарк решительно высказался против этого предложения. Не довольствуясь этим, когда зашла речь о предоставлении евреям более широких прав, он выступил против этого предложения с той же решительностью, заявив, что основа монархического государства может быть только христианская и что евреям ни в каком случае нельзя предоставлять правительственных мест. “Когда я подумаю, – воскликнул он, – что представителем священной особы короля может быть еврей и что на меня возложена будет обязанность ему повиноваться, то я чувствую себя жестоко униженным и не могу с тем чувством достоинства и с той готовностью служить государству, с какими я ему служу теперь. Я разделяю настроение народа и нисколько не стыжусь этой солидарности с ним”. Это был парламентский дебют Бисмарка. Своими тремя речами он обратил на себя общее внимание. Либералы были скандализованы, а консерваторы признали в нем будущего своего вождя, правительство почуяло в нем будущую опору престола. Чтобы яснее понять то впечатление, которое произвел Бисмарк своим парламентским дебютом, не надо забывать, что либеральные веяния широкой волной охватили тогда все умы, что ввиду этого общего движения, как выяснили последующие события, даже само правительство чувствовало себя слабым и было склонно к существенным уступкам, что никто не решался протестовать против господствовавших тогда политических взглядов,

противодействовать нахлынувшей могучей волне и что все усматривали спасение в торжестве либеральных принципов. И вдруг в такое время малоизвестный провинциальный дворянин, г-н Бисмарк-Шенгаузен, попавший в сейм только случайно, вследствие болезни избранного дворянством представителя, решается с необычайным пылом восстать против общего настроения, заявить громогласно и обществу, и правительству, что они ошибаются, что избранный ими путь ложен, что надо вернуться к прежним традициям сильного правительства, опирающегося на религию, на дворянство, на вековые устои установленного порядка.

Чтобы должным образом оценить мотивы, которыми руководствовался Бисмарк, становясь один в оппозицию к господствующему тогда настроению, мы должны принять во внимание его прошлое. Политическими вопросами, как мы видели, он начал интересоваться незадолго до своего появления в сейме и притом, видимо, сам не знал, каких взглядов держаться. Результаты движения еще не успели в то время выясниться: берлинские мартовские дни, когда уличная толпа стала господствовать в столице Пруссии, еще не наступили. О революционном движении, собственно, не могло быть еще и речи. Если бы Бисмарк примкнул к движению, охватившему умы, то он был бы только одним из многих, и парламентские его речи при не особенно ярком ораторском таланте прошли бы, конечно, бесследно. Но вступить в оппозицию со всеми, бросить всем перчатку – это не только соответствовало его темпераменту, избытку сил, который он в себе чувствовал, его склонности поражать людей какой-нибудь смелой, решительной выходкой, но и выдвигало его из ряда других народных представителей, и вместе с тем обеспечивало за ним громкую, хотя и, может быть, не особенно лестную, известность. Но ничего особенно лестного не было и в той репутации, которую он себе создал, – в репутации записного кутилы, бретера, сорвиголовы, “сумасшедшего” Бисмарка, не знающего в своих диких выходках меры. Если бы либеральное движение в конце концов взяло верх, из Бисмарка, вероятно, вышел бы немецкий Поль де Кассаньяк, или ему пришлось бы отказаться от своих взглядов; но на самом деле консервативные начала восторжествовали, и Бисмарк сделался видным государственным человеком.

Уже первый его парламентский дебют прошел для него далеко не бесследно. Сессия сейма была вскоре закрыта. Он воспользовался роздыхом, чтобы отпраздновать свадьбу и совершить со своей молодой женой свадебное путешествие в Италию. Как раз в это время в Венеции гостил король. Бисмарк

направился туда и счел нужным испросить у короля аудиенцию. Он был приглашен к столу и имел с королем продолжительный разговор о прусских и общегерманских делах. Мы знаем уже, что отец Бисмарка вращался в придворных сферах. Сам Бисмарк, когда поступил впервые на государственную службу, был представлен принцу Прусскому, то есть позднейшему германскому императору, вместе с товарищем по службе, столь же рослым, как он. Принц сострил по этому поводу: “Ну, юстиция, по-видимому, вербует себе рекрутов по мерке, установленной в гвардии”. Словом, Бисмарк был уже известен королю, а его смелая защита в парламенте консервативных принципов побудила короля ближе сойтись с будущим германским канцлером. Встреча в Венеции привела к тому, что Бисмарк вскоре стал почти своим человеком при дворе.

Настали мартовские дни. Революция торжествовала. Ее знамена развевались на берлинских улицах. Хотя правительственные войска победили, но король счел более благоразумным их отозвать. Внешний порядок поддерживался в столице национальной гвардией. Двор был сильно смущен.

Что делает в это время Бисмарк? После своего дебюта в качестве народного представителя, после свидания в Венеции он, очевидно, уверился, что избранная им программа наиболее соответствует его целям. В своих первых парламентских речах он высказывался еще сравнительно умеренно, но теперь он окончательно и со свойственной ему решительностью из народного представителя превращается в правительственного деятеля, в защитника прав короны от прав народа. Деятельность его становится лихорадочной. Он основывает консервативные газеты, составляет верноподданнические адреса, произносит в разных собраниях речи, направленные против революционного движения, приглашает сельский люд воздержаться от участия в народном движении. Приведем некоторые характерные факты. Пресловутая “Крестовая газета”, наиболее энергический орган прусских юнкеров, основана именно в это время по почину Бисмарка. В разгаре мартовского движения, когда двор не знал, на что решаться, Бисмарк старался всех ободрить. Как-то однажды вечером все сидели в мрачном настроении духа. Между прочими присутствовал и старый генерал Меллендорф. Зашла речь о том, что делать. Мнения расходились, и в общем господствовала полная нерешительность. Бисмарк, сидевший возле фортепиано, вдруг забарабанил походный марш. Тут Меллендорф вскочил со стула и обнял его, воскликнув: “Вот что нужно”. Этот факт нами рассказан со слов самого Бисмарка. Прославился он в это время еще изречением, которое он

поминутно повторял: “Прежде всего надо разрушить дотла все большие города, эти очаги революции”, – так что ему даже была присвоена кличка “разрушитель городов”. Правительство, пребывая в нерешительности, постоянно созывало и распускало парламент. Деятельность Бисмарка показалась народным представителям настолько подозрительной, что его не избрали. Он вознаградил себя, как мы видели, внепарламентскою деятельностью. Но в начале 1849 года он снова был избран, правда, ничтожным большинством голосов. Тут он опять произнес целый ряд речей, высказываясь в прежнем консервативном духе, но значительно сгущая краски. Мы отметим главные его изречения. Через все его речи красной нитью проходит та мысль, что об единстве Германии нечего заботиться, что это только праздная мечта (“phaetonischer Flug der Politik”)[3], что народное движение, направленное к этой цели, не только бесплодно, но и опасно, что все усилия должны быть направлены к восстановлению силы прусского правительства, что не Пруссию следует подчинить Германии, а Германию – Пруссии, что главная задача последней заключается в том, чтобы отвергнуть позорный союз с демократией, что в Германии ничего не должно произойти без соизволения прусского правительства, что ”спор, возникший за последние годы в Европе, вызван полной противоположностью двух принципов: “один из них основан будто бы на народной воле, на самом же деле на кулачном праве баррикад; другой же – на установленном Богом правительстве, на правительстве Божию милостью; первый из этих принципов признает восставших самоотверженными борцами за правду и свободу, другой – считает их бунтовщиками, и это разногласие не может быть устранено парламентскими прениями или голосованиями; его уладит судьба, бог брани”. Руководствуясь этими взглядами, он требовал, чтобы стремления были направлены вовсе не к единству Германии, вовсе не к созданию союзного государства, а к упрочению неприкосновенности прусской государственной власти. “Единственным нормальным основанием великого государства является государственный эгоизм, а не романические поползновения, и недостойно великого государства защищать дело, не соответствующее его интересам”, – говорил он. “Пруссия должна предписывать другим германским государствам законы, и я предпочитаю, чтобы Пруссия оставалась Пруссией тому, чтобы прусский король превратился в вассала народного представительства”. Затем он выставлял общим врагом революцию и требовал, чтобы все германские правительства соединились для подавления объединительных стремлений. Вместе с тем он требовал, чтобы государственная власть

опиралась на консервативные элементы: на церковь и главным образом на дворянство. “Будьте уверены, – громил он своих противников. – Мы доставим почет и влияние осмеиваемым вами прусским юнкерам”. С не меньшей решительностью он восстал против введения обязательного гражданского брака и при этом пускался в соображения следующего рода. “Я надеюсь, – говорил он, – что современные дурачества разобьются о скалу христианской церкви, ибо вера в божественное откровение у народа, конечно, сильней, чем вера в спасительную силу какой бы то ни было статьи конституции”. Вообще всякое упоминание о конституции приводило его в большое негодование. “Слово “конституционно”, – говорил он, – признается теперь лозунгом столь убедительным, что избавляет от необходимости приводить какие-либо доводы в пользу своего мнения. Достаточно произнести это слово, и все доказано, все освящено”. Очевидно, Бисмарк тут забывал, что он сам имел возможность выступить столь решительно в защиту своих взглядов только благодаря дарованию прусскому народу конституционных учреждений.

Спрашивается теперь, к чему привела на первый раз эта энергическая агитаторская деятельность будущего германского канцлера? Несомненно, она содействовала нерасположению прусского правительства принять на себя почин в деле установления германского единства на новых, более нормальных основаниях, чем те, какие представлял печальной памяти франкфуртский сейм, созданный Венским конгрессом. Был момент, когда прусское правительство как будто склонялось в пользу принятия предложенной ему самим народом через посредство Франкфуртского национального собрания императорской короны. Двадцать восемь германских правительств были на стороне этого решительного шага, который на двадцать с лишним лет приблизил бы то, что достигнуто было впоследствии путем двух кровопролитнейших войн. В самом прусском сейме большинство высказалось за этот шаг. Таким образом, он несомненно мог быть совершен при значительных шансах на успех. Может быть, и тогда дело не обошлось бы без войны, но, несомненно, момент был крайне благоприятный, потому что германский народ действовал как один человек и при воодушевлении, охватившем его тогда, сумел бы и на поле сражения с успехом защищать свою заветную мечту. Прусское правительство сразу приобрело бы необычайную популярность во всей Германии, а военная организация Пруссии уже тогда была сравнительно очень совершенна. Но когда в прусском сейме зашла речь о принятии предложения, Бисмарк энергически восстал против него. “Мы скоро доживем, – воскликнул он, – до

того, что господа радикалы явятся к новому императору и, указывая на имперский герб, спросят: “Не думаешь ли ты, что этот орел тебе достался даром?” Этой цитатой из “Фрейшютца” Бисмарк произвел сильное впечатление и укрепил прусское правительство в намерении отказаться от предложенной ему короны. Мы не станем восстанавливать здесь в памяти всех, перипетий разыгравшейся драмы, тем более, что для нашей цели достаточно только указать на ее исход. Этот исход был глубоким унижением Пруссии. По договору, заключенному в Ольмюце, Пруссия вынуждена была смириться перед Австрией и восстановить тот порядок, который существовал до событий 1848 года. Впоследствии сам Бисмарк признал Ольмюцский договор позорным для Пруссии, но тогда он в парламентском заседании, ликуя, воскликнул, что Пруссия в союзе с Австрией одержали блестящую победу над революцией, то есть над мечтой о единой Германии, – над той мечтой, осуществление которой доставило самому Бисмарку впоследствии лучший и самый ценный лавр в венке его славы.

Таким образом, прежний союзный строй был восстановлен. Этот результат был достигнут, несомненно, при содействии Бисмарка. Поэтому, когда зашла речь о назначении прусского посланника при восстановленном сейме, правительство подумало о нем. Во главе прусского правительства стоял тогда знаменитый генерал Мантейфель, действовавший совершенно в духе Бисмарка, или, точнее говоря, подсказавший Бисмарку политику, которой тот придерживался в качестве народного представителя. Король Фридрих-Вильгельм IV все-таки сомневался: его смущала сравнительная молодость Бисмарка, которому было тогда тридцать семь лет, и бурный его нрав. Поэтому во время аудиенции он выразил удивление, что у Бисмарка хватает храбрости принять столь трудный и ответственный пост. Бисмарк ответил ему на это со свойственной ему находчивостью: “Еще больше храбрости требуется для того, чтобы меня назначить на такой пост, – и прибавил: – Сделайте опыт, ваше высочество, уволить ведь меня всегда можно”. Затем действительно и состоялось его назначение сперва первым секретарем при посланнике, а затем и посланником. По поводу этого назначения в печати говорилось, что если бы Бисмарку предложили командовать фрегатом или сделать хирургическую операцию, то он, вероятно, ответил бы: “Ну, до сих пор я этим делом не занимался, однако попробую”.

При таких-то обстоятельствах и состоялось 6 (18) августа 1851 года назначение Бисмарка посланником при франкфуртском сейме.

Глава IV. Бисмарк – дипломат

Указанные нами факты из жизни Бисмарка дают в общей сложности такую полную характеристику его личности, что весьма нетрудно предусмотреть, какова должна была быть его деятельность на новом поприще посланника Пруссии при франкфуртском сейме. К сожалению, деятельность эта оценивается теперь с точки зрения позднейших успехов Бисмарка, – с точки зрения приобретенной им репутации великого государственного человека, и поэтому получается совершенно ошибочный взгляд на все, что им сделано с 1851 по 1862 год, то есть в течение одиннадцатилетнего периода его жизни, когда он, будучи уже не особенно молод, впервые прошел практическую школу дипломата. Увлекаясь позднейшими его успехами, громкой его славой, биографы ищут в тогдашней его деятельности доказательств проницательности его ума, глубины его воззрений и провозглашают, что уже в то время проявилась вся гениальность Бисмарка: он-де предусматривал и войну 1866 года, и войну 1870 года, он орлиным взором обнимал будущее и воздвигал фундамент могущественной объединенной Германии.

Но забудем на миг о позднейших успехах Бисмарка и взглянем на его деятельность с точки зрения непреложных фактов, собранных теперь в достаточном количестве, – хотя бы в четырех толстых томах документов, касающихся деятельности Бисмарка во Франкфурте и изданных в начале восьмидесятых годов г-ном Пошингером, или в дипломатической корреспонденции Бисмарка за 1851 – 1859 годы. Мы видели, что до назначения посланником при Франкфуртском сейме Бисмарк защищал публично Ольмюцский договор, в силу которого восстановлен был прежний германский союзный строй. Значит, Бисмарк примирился с необходимостью поддерживать этот строй, во всяком случае признавал, что Пруссия, по крайней мере временно, должна отказаться от всякого соперничества с Австрией и жить с ней в добром согласии. К этому его побуждало и соображение, так решительно высказанное им в парламенте, что задача Австрии и Пруссии заключается в подавлении революции, то есть народного движения, направленного к сплочению Германии под главенством Пруссии. При таких обстоятельствах следовало бы предположить, что Бисмарк, явившись во Франкфурт, будет действовать, насколько возможно, солидарно с Австрией, тем более, что и назначение его посланником было вызвано преимущественно проявленным им горячим сочувствием к Габсбургской империи. Даже допустив,

что Бисмарк предусматривал неизбежность разрыва с Австрией в более или менее близком будущем, мы должны будем признать, что ему не было никакой надобности ссориться с этой державой в данный момент, уже тогда раскрывать противнику карты прусских политиков. Наоборот, подготовляя будущее поражение Австрии, оттачивая против нее нож, Бисмарк, естественно, должен был наружно мириться с существующим положением, не форсировать игры, вести себя скромно, делая вид, что все обстоит благополучно. Если Пруссия не находилась еще в возможности вступить в решительную борьбу с Австрией, то простая предусмотрительность, элементарное благоразумие заставляли ее до поры до времени притаиться и не вызывать разными выходками противника на бой.

Что же делает Бисмарк? Он действительно приезжает во Франкфурт с самыми миролюбивыми намерениями, приезжает туда убежденным и горячим другом Австрии, высказывается неоднократно в том же духе, в каком он высказывался в парламентских своих речах. Но с первых же заседаний Франкфуртского сейма он уже начинает изменять свои взгляды. Первенствующая роль на сейме, конечно, принадлежит Австрии. Вспоминая впоследствии о своей тогдашней деятельности, Бисмарк говорит, что с первым председателем, графом Туном, можно было ужиться, что граф Рехберг также был еще довольно сносен, но что Прокеш-Остен приводил его в негодование, с ним никак нельзя было ладить. И действительно, Бисмарк ссорился со всеми председателями Франкфуртского сейма, и вся его первоначальная деятельность заключалась в постоянных стычках, по большей части чисто личного свойства. Возьмем некоторые примеры. До прибытия Бисмарка практиковался такой порядок, что во время заседаний курил один только председатель, граф Тун. Когда Бисмарк начал посещать заседания, он нашел, что это не в порядке вещей, и также закурил сигару. Его примеру последовал и баварский посланник, который никогда не курил, но для ограждения достоинства своего государства счел нужным вести себя так, как ведет себя прусский посланник: его тошнило от сигары, но он продолжал курить. Затем и ганноверский посланник закурил сигару, а его примеру последовали и все другие посланники. Конечно, эпизод этот очень комичен и характеризует тогдашних немецких дипломатов, но спрашивается, – много ли потерял бы Бисмарк, если бы он воздержался от сигары, и не просвечивает ли уже в этом факте уязвленное самолюбие? Возьмем другой пример. Во время заседаний Прокеш-Остен делает заявление, не вполне соответствующее истине, и весьма второстепенного значения. Об

этом заходит речь в обществе вечером. Бисмарк считает нужным усомниться в правдивости слов австрийского дипломата. Тот чувствует себя оскорбленным и, повысив голос, провозглашает: “Если это неверно, выходит, императорско-королевское правительство солгало?” “Несомненно, ваше превосходительство”, – отвечает спокойно Бисмарк. Австрийский дипломат сильно смутился, но, чтобы не вызывать ссоры, подошел после ужина к Бисмарку и примирился с ним.

Такими и подобными фактами украшены все хвалебные биографии Бисмарка. Спрашивается, однако, – служат ли они действительно ему в похвалу; был ли сам Бисмарк в то время выше всех дрязг, какими поражают пресловутые собрания немецких дипломатов во Франкфурте? Мы сейчас увидим, что распря между Бисмарком и австрийскими дипломатами все усиливалась. Он поминутно, пользуясь миролюбием австрийских дипломатов, позволял себе колкости и даже грубости. Встретившись на параде в Мюнхене с австрийским генералом, в честь которого был устроен этот парад, он уже прямо принимает вызывающий образ действий. Бисмарк явился на парад в форме офицера ландвера и увесил грудь свою орденами, полученными от разных германских правительств в качестве посланника при Франкфуртском сейме. Австрийский генерал, увидев все эти ордена, тут же спросил его, где он их заслужил. – “Не перед лицом же неприятеля?” – “Да, – ответил Бисмарк, – перед лицом неприятеля... во Франкфурте”. Конечно, это было очень находчиво, но в то же время и очень грубо, тем более, что в Австрии хорошо знали, с каким доверием и расположением относится к Бисмарку прусский король. Следовательно, все эти выходки не могли не отразиться на взаимных отношениях двух держав, вызвав охлаждение, в результате которого легко мог получиться разрыв, которого сам Бисмарк не желал ввиду неподготовленности Пруссии к войне.

Но он не довольствовался подобными резкими и грубыми выходками. Он всячески старался вооружить прусское правительство против Австрии и вел самую деятельную агитацию против нее. В дипломатических документах, о которых мы упомянули, он доходит просто до смешного в своей австрофобии. Чего он только не ставит в вину австрийскому правительству! Возмущается и тем, что Австрия католическое государство, что немецкие правительства более сочувствуют Австрии, чем Пруссии, что немецкие капиталисты, прельщаемые высоким процентом, который платит австрийское правительство по своим займам, помещают свои капиталы в австрийские, а не прусские фонды и так далее. Особенно комично, что Бисмарк возмущается

симпатиями германских правительств к Австрии. Всего два года перед тем он торжественно провозглашал в парламенте, что законодательницею в Германии должна быть Пруссия, что Пруссия хочет оставаться Пруссией и никогда не подчинится мелким германским правительствам, напротив, требует от них полного подчинения. Это настроение Пруссии или, точнее говоря, среды, из которой вышел будущий великий канцлер, как известно, и вызвало общее нерасположение к пруссакам и заставило всех дорожить Австрией. И вдруг Бисмарк словно прозревает, приходит в великое негодование, что немцы держат сторону Австрии, мечет гром и молнию против нее и с какою-то странною наивностью сознается, что он в Берлине ничего не понимал в политике, а во Франкфурте у него глаза сразу раскрылись. Но то, что было откровением для Бисмарка, было давно хорошо известно всем непредубежденным людям. Само прусское правительство хорошо сознавало, что после того, как оно отвергло поднесенную ему императорскую корону и решительно вступило на путь политической реакции, оно лишилось сочувствия германского общественного мнения. Одним из главных виновников этого шага был, однако, сам Бисмарк. А теперь он поминутно жаловался, что Пруссия не пользуется сочувствием германского народа, что он льнет к Австрии. Вместе с тем Бисмарк все более и более озлоблялся против Австрии и совершал самые резкие выходки, давая австрийцам поминутно чувствовать, что он их глубоко ненавидит. Где только мог, он им делал неприятности. Заходила ли речь о вступлении Австрии в германский таможенный союз, он противился этой мысли; обсуждался ли вопрос о составлении общегерманского торгового кодекса, Бисмарк противился избранию австрийского города местом для совещаний по этому вопросу; избиралось ли новое местопребывание для Германской академии наук, Бисмарк ополчался против предложения, чтобы она находилась в австрийском городе, – словом, Бисмарк вел себя так, что, если бы это от него зависело, неизбежно вспыхнула бы война между Пруссией и Австрией, и притом именно в такое время, когда, по словам самого же Бисмарка, Пруссия еще вовсе не была подготовлена к войне. Последняя его выходка против Австрии принадлежала уже к числу столь резких, что его пришлось убрать из Франкфурта. Приближалась война 1859 года, то есть война Сардинии и Франции против Австрии. Бисмарк не только в частных беседах решительно берет сторону Сардинии, но демонстративно везде гуляет рука об руку с сардинским посланником, вызывая этим вполне законное раздражение Австрии. Вся Германия и само прусское правительство были

против войны с Австрией, да и Бисмарк чувствовал, что он сильно пересолил. В конце 1858 года он пишет своей сестре, чтобы она поторопилась с приездом во Франкфурт, потому что скоро его там не будет, и действительно – в начале следующего года он был назначен посланником в Петербург, потерпев полное дипломатическое фиаско.

Если теперь вдуматься в эту восьмилетнюю деятельность князя Бисмарка и спросить себя, чем, собственно, он руководствовался, то с точки зрения его панегиристов очень трудно будет ответить на этот вопрос. Не только прусское правительство, но и сам Бисмарк не сочувствовал в то время войне с Австрией, – утверждают сторонники Бисмарка. Относительно намерений прусского правительства сомнений никаких быть не может, потому что еще в 1859 году, когда Франция напала на Австрию, прусское правительство приступило к мобилизации своих военных сил для того, чтобы в случае надобности вступиться за Австрию. Но, как видно из перечисленных нами фактов, сам Бисмарк вел себя так, что в его склонности довести дело до войны с Австрией не может быть никакого сомнения. А между тем, сторонники Бисмарка заверяют, будто бы он отсрочил войну до 1866 года, потому что не считал Пруссию к ней готовой. Мы, очевидно, имеем тут дело просто с легендой. Бисмарк не был еще настолько влиятелен, чтобы от его совета зависели мир или война. Но в таком случае к чему же он постоянно искал ссоры с Австрией, всячески задирал ее? Достоин ли такой образ действий сильного государственного человека, ясно сознающего цель, к которой он идет, и постепенно расчищающего себе путь к ней? Нам могут возразить, что этой тактикой он, по крайней мере в самом Франкфурте, решал в пользу Пруссии временные, текущие дела. Нисколько. Нельзя назвать ни одного вопроса, в котором он оказал бы Пруссии или Германии сколько-нибудь значительную услугу. Чтобы в этом убедиться, достаточно взять, например, вопрос об общегерманском флоте. Основание этому флоту было положено тем могучим движением в пользу единой Германии, которое Бисмарк признавал революционным и к подавлению которого он так деятельно приложил руку, то есть движением 1848 года. Оно создало первые общегерманские суда, но Бисмарк отнесся так равнодушно к этому вопросу, что эти суда были проданы с публичного торга.

Словом, с какой точки зрения ни взглянуть на вопрос, мы должны будем признать, что ходячее мнение о необыкновенной проницательности Бисмарка в этот период его деятельности – не более чем басня. Соперничество Пруссии и Австрии из-за

преобладания было для всех открытой тайной, и никто не сомневался, что рано или поздно дело дойдет до вооруженного столкновения между ними. Уже в 1848 году германское общественное мнение старалось предупредить это столкновение, предложив прусскому королю императорскую корону. Тогда Пруссия отклонила это предложение, потому что оно имело революционный характер, а если верить Бисмарку, еще и потому, что она не чувствовала себя в военном отношении подготовленной принять поднесенный дар. Значит, о какой-нибудь особенной проницательности Бисмарка тут не могло быть и речи. Напротив, придерживаясь вызывающего образа действий по отношению к Австрии, Бисмарк только форсировал игру и навлекал на Пруссию, при ее военной неподготовленности, несомненное бедствие. Спрашивается, почему он придерживался такой неблагоразумной тактики? Если исходить из мысли об его проницательности, то ответа мы на этот вопрос не получим. Но загадка решается весьма просто, если иметь в виду темперамент, натуру Бисмарка, если, отбросив мысль о какой-то особенной проницательности, сопоставить его образ действий во Франкфурте с прежней его деятельностью. Зачем Бисмарку нужно было, когда он находился в школе, постоянно задирать своих товарищей, устраивать сражения снежками, в которых он разыгрывал роль предводителя? Зачем ему нужно было ссориться со всеми своими начальниками, когда он находился на службе? Зачем ему нужно было, когда он жил помещиком в Померании, совершать сомнительные подвиги, доставившие ему репутацию “сумасшедшего” человека? Зачем ему нужно было, когда он выступил в роли депутата, бросить перчатку общественному мнению и восстать против той идеи, которой он, по позднейшим его заявлениям, служил в течение всей своей жизни, – зачем все это было нужно Бисмарку? Его деятельность во Франкфурте вызывается все той же причиною. Избыток жизненных сил, жажда деятельности, не нашедшие еще себе определенного русла и цели, желание чем-нибудь поразить, удивить, выдвинуться, обратить на себя общее внимание, – вот что заставляло Бисмарка постоянно совершать разные выходки, принимавшие ту или иную форму – смотря по обстоятельствам. Не какая-нибудь идея, не какая-нибудь определенная цель руководила им: он подчинялся исключительно своей натуре, мощной и необузданной. Если бы он принял во Франкфурте то положение, которое предписывалось благоразумной политикой временного воздержания, то ему пришлось бы смириться, о нем забыли бы на долгие годы, он бы, так сказать, стушевался, а жить в тени, хотя бы и содействуя своим целям, это – не дело Бисмарков. Им надо постоянно

обращать на себя внимание, они хотят, чтобы о них постоянно говорили. С этой точки зрения все приведенные нами факты получают естественное свое объяснение. С этой точки зрения мы поймем, почему он нарушает установленный на Франкфуртском сейме этикет, почему он говорит австрийцам колкости и дерзости, почему он публично разгуливает рука об руку с сардинским посланником Баралем в то время, как общественное мнение Германии требует войны с Францией и Сардинией. Все эти факты обращают на него общее внимание и заставляют говорить о нем всю Европу. С этой точки зрения мы поймем, почему, живя во Франкфурте, он добивается новых дипломатических поручений то в Вену, то в Париж или совершает бесконечные путешествия в Венгрию, в Бельгию, Голландию или на далекий скандинавский север. Ему нужна постоянная смена впечатлений, постоянное разнообразие, кипучая деятельность, которая поглощала бы избыток сил его мощной натуры. Когда государственная и дипломатическая деятельность его в этом отношении не удовлетворяет, он начинает бешено скакать на коне или ищет сильных ощущений на охоте, предпочитая самые опасные ее виды.

Как мы уже указали, дипломатическая деятельность Бисмарка во Франкфурте окончилась полным фиаско. Его просто удалили оттуда и в самом начале 1859 года назначили посланником в Петербург, чтобы, как он сам выразился, “охладить его пыл холодной невской водой”. Войну 1859 года Бисмарк не предусмотрел, а между тем нетрудно было предвидеть, что Франция, дав урок России, захочет заставить смириться и вторую по могуществу державу, а именно Австрию. Но Бисмарк об этой всеми ожидавшейся войне долго молчит. Он не взвешивает вопроса, какое положение должна занять Пруссия, следует ли ей держаться Австрии или Франции? Он слишком занят своими мелочными препирательствами с австрийскою дипломатией. Он не задается широким вопросом, нельзя ли воспользоваться ожидаемой войною для того, чтобы добиться объединения Германии под главенством Пруссии? А между тем решительный образ действий со стороны последней мог сразу двинуть дело германского объединения. Австрия пошла бы на значительные уступки, если бы Пруссия предложила ей свой союз против Франции. С другой стороны, и Франция оказала бы Пруссии мощную поддержку – даже в том случае, если бы Пруссия обязалась только принять угрожающее положение относительно Австрии. России тогда, как и в 1848 году, нечего было опасаться: ей нанесены были слишком тяжелые раны севастопольским погромом; она слишком была недовольна

Австриею, отплатившей ей за венгерскую кампанию знаменитым изречением, что Австрия “поразит мир своею неблагодарностью”, и явно враждебным положением, занятым во время крымской кампании. Пруссия же, наоборот, воздержалась от всякой враждебности в этот критический для России момент, и, следовательно, в Петербурге отнеслись бы вполне сочувственно к решительному шагу Пруссии, против кого бы он ни был бы направлен, – против Франции или против Австрии. Германское общественное мнение решительно требовало вмешательства Пруссии для нанесения совместного с Австрией удара по Франции и руководствовалось, конечно, тем соображением, что совместная победа двинет дело объединения. Но обо всем этом нет и помину в высказанных Бисмарком в то время соображениях. Увлеченный своими мелкими препирательствами с австрийскими дипломатами, он просто радуется всякой неудаче Австрии и не упускает ни одного случая, чтобы излить на бумаге свое раздражение против нее. Во время крымской кампании он советует прусскому правительству придерживаться нейтралитета, предвидя, что поощрение Австрии может доставить последней крупный успех на востоке. Но на самом деле этот успех втянул бы ее в восточную передрягу и обессилил бы ее в пределах Германии. Бисмарк же высказывался тогда в том смысле, что восточный вопрос не имеет никакого реального значения для Пруссии. Каким недальновидным он, однако, оказался в этом отношении, если принять во внимание, что сам он впоследствии искал для Австрии на востоке вознаграждения за утраты, понесенные в Германии, и заключением тройственного союза фактически обязал Германию отстаивать с оружием в руках интересы Австрии на востоке! Во время войны 1859 года он то и дело советовал Пруссии воздерживаться от вмешательства в пользу Австрии, а между тем, если бы Австрия сохранила за собою Ломбардию, то это послужило бы причиною слабости Австрии, потому что ей постоянно угрожала бы опасность со стороны национальных стремлений итальянцев. Но Бисмарк всецело подчинялся чувству раздражения против австрийских дипломатов, думая только о том, как бы в данную минуту чем-нибудь им насолить. Этот дальновидный, хладнокровный, сдержанный государственный человек, с затаенной энергией преследующий ясно сознанную цель, как его изображают сторонники, то и дело пишет из Петербурга запальчивые письма, в которых требует, чтобы прусские дипломаты смирили Австрию, дали ей внушительный урок. Когда скромный русский студент, дававший ему уроки русского языка, спрашивает его, кому же должно быть предоставлено главенство: Австрии или Пруссии, он “весь

багровеет, и глаза его, всегда немного прищуренные, широко открываются и как бы хотят выскочить из орбит". Одно название Австрии его выводит из себя. Таким ли должно быть настроение серьезного государственного деятеля, в течение долгих лет обдумывающего цель, к которой он неуклонно стремится?

О пребывании Бисмарка в Петербурге мы не станем распространяться. Определенной дипломатической миссии он не имел. Отношения Пруссии к России были в то время вполне удовлетворительны, и Бисмарк имел полную возможность заниматься воспитанием своих детей, изучением русского языка и бесконечными охотничьими экскурсиями. Особенно его соблазняла охота на медведя. Нечего и пояснять, почему из всех русских характерных выражений ему особенно понравилось слово "ничего", которое он даже выгравировал на своем портсигаре. В его натуре несомненно есть много такого, что соответствует настроению русского человека, когда тот произносит свое традиционное "ничего". В отличие от других прусских посланников при нашем дворе он изучил русский язык довольно основательно, так что мог даже объясняться на нем, и одно время так к нему пристрастился, что, со свойственным ему увлечением, даже предлагал заменить во всех немецких гимназиях преподавание греческого языка русским. Конечно, это предложение не было принято и осталось столь же бесследным, как и вообще его деятельность в качестве посланника при нашем дворе. В наших великосветских кругах к Бисмарку отнеслись довольно сочувственно, потому что он представлял контраст с другими немецкими посланниками, отличавшимися педантичностью и сухостью в обращении. Бисмарк имел вид независимого человека, прекрасно умеющего держать себя в обществе и отлично владеющего французским языком. О России он составил себе, однако, довольно невыгодное мнение. "Русский народ, – говорил он, – имел бы блестящую будущность, если бы он не был поголовно заражен пьянством". Кроме того, он вынес еще и такое впечатление, что всем хорошим, что есть в России, она обязана немцам. Эти широкие обобщения живо напоминают категоричность суждений, столь свойственную общественной среде, из которой вышел великий германский канцлер. Пребывание Бисмарка в Петербурге было, впрочем, непродолжительным. Уже в начале 1862 года он был вызван в Берлин и более в Петербург не возвращался. Ему предназначался более видный пост.

Глава V. Бисмарк – министр-президент

Биографы Бисмарка изображают его назначение на пост министра-президента приблизительно следующим образом. Своей парламентской деятельностью он обратил на себя внимание правительства, которое усмотрело в нем надежную опору; поэтому решено было воспользоваться им как одною из главных сил и подготовить его к будущей выдающейся роли, предоставив ему различные посты, которые позволили бы обстоятельно познакомиться со всеми пружинами прусской и общеевропейской политики. Вот почему он назначен был сперва посланником во Франкфурт, а потом и в Париж. Особенно же горячие сторонники Бисмарка утверждают, что план объединения Германии был у него готов чуть ли не тогда уже, когда он предавался бесконечным кутежам в померанском своем поместье, что он воспользовался своим назначением во Франкфурт для того, чтобы изучить приемы дипломатии, принял назначение в Петербург, чтобы подготовить Россию к соблюдению нейтралитета во время австро-прусской и франко-прусской войн, затем пост в Париже, чтобы одурачить Наполеона, и наконец, совершив все эти миссии, соблаговолил принять пост министра-президента для осуществления задуманного им грандиозного плана.

Все это – одна только легенда. Беспристрастное изучение фактов сразу разрушает это великолепное здание, воздвигнутое панегиристами Бисмарка. Во-первых, прусское правительство не могло действовать последовательно в этом отношении, потому что король Фридрих-Вильгельм IV отличался удивительной непоследовательностью в своих решениях и симпатиях: он склонялся то в пользу либеральных, то в пользу консервативных начал и в сущности относился с недоверием ко всем своим помощникам. Этот факт настолько известен, что на нем и останавливаться нечего. Во-вторых, нельзя упускать из виду, что в изучаемый нами период произошла перемена царствования: в 1857 году брат короля, принц Вильгельм, был назначен регентом, а в 1861 году король Фридрих-Вильгельм IV скончался. Это устраняет всякую мысль о строгой последовательности в выборе правительством сотрудников. На самом деле, как мы видели, деятельностью Бисмарка во Франкфурте остались в Берлине недовольны, поэтому-то и состоялось его перемещение из Франкфурта в Петербург. Но и отозвание его из Петербурга вовсе не было вызвано желанием дать ему возможность ближе

присмотреться на месте к политике Франции. Напротив, он был вызван из Петербурга в Берлин прямо для того, чтобы занять пост министра-президента, и если это назначение не состоялось, то, как мы сейчас увидим, по вине самого же Бисмарка, окончательно уничтожающей легенду о необычайной его проницательности. Однако прежде, чем коснуться этого вопроса, мы должны уяснить себе, почему прусское правительство обратило именно в это время внимание на Бисмарка и проявило склонность назначить его на столь ответственный пост министра-президента.

С 1857 года государственными делами Пруссии фактически управлял будущий германский император Вильгельм I, который уже давно симпатизировал Бисмарку. Мы отметили уже, что тотчас по поступлении на службу Бисмарк был представлен тогдашнему принцу Вильгельму и был ему лично известен. Но более тесные отношения между ними установились в конце сороковых годов. Принц Вильгельм был решительным противником конституционного правления и так резко осуждал либеральные мероприятия своего брата, что во время мартовских дней толпа чуть было не разнесла его дворец, который уцелел, только благодаря находчивости некоторых студентов, изобразивших на нем крупными буквами слова: “Национальная собственность”. Ненависть к принцу Вильгельму была так сильна, что ему пришлось удалиться в Англию. В это именно время Бисмарк выступил со своими консервативными речами в соединенном ландтаге, и так как в этих речах почти буквально высказывались чувства и взгляды, которыми воодушевлен был сам принц Вильгельм, то между будущим германским императором и его канцлером установились чувства теплой симпатии. Эти чувства нашли себе пищу в эпизоде, которым сопровождалось возвращение принца Вильгельма в его отечество. Как только распространился слух, что он возвращается, Бисмарк начал составлять адреса в пользу бывшего изгнанника и собирать под ними подписи. Эти адреса были представлены принцу Вильгельму. Кроме того, Бисмарк обратился к нему лично с сочувственным письмом, в котором полностью выразил свои консервативные взгляды. Тут, конечно, со стороны Бисмарка была проявлена некоторая предусмотрительность, то есть он предвидел, что принц Вильгельм, вероятно, вступит на престол после смерти своего бездетного брата. Закон престолонаследия послужил ему твердым базисом для политической его проницательности. Однако принц Вильгельм хотя и сочувствовал Бисмарку, но относился к его деятельности с некоторым недоверием. Он был человек очень осторожный и расчетливый, а Бисмарк в то время этими качествами не отличался. Кроме того,

принц Вильгельм, дав торжественно клятву, что он будет соблюдать конституционные принципы, решительно отказывался, формально по крайней мере, нарушить эту клятву, а Бисмарк склонен был применить к народному представительству ту тактику, которую он в прежнее время рекомендовал по отношению ко всем большим городам и которая доставила ему прозвище “разрушитель городов”. Напомним тут же кстати, потому что это необходимо для уяснения себе хода событий, что принц Вильгельм с юных лет всецело посвятил себя военному делу и необычайно любовно относился к увеличению военного могущества Пруссии. Если уже к концу пятидесятых годов прусская военная организация могла быть названа превосходной, то благодаря именно тому обстоятельству, что принц Вильгельм с необычайной старательностью довершил в этом отношении дело, начатое его предками. Успехи, им достигнутые в этом направлении, внушали ему уверенность, что прусская армия сумеет постоять за себя, когда настанет час положиться на военное счастье для доставления торжества политическим видам прусского правительства.

Взвесив все это, мы поймем, почему принц Вильгельм, когда он вступил на престол, с одной стороны, склонялся в пользу назначения Бисмарка на пост министра-президента, а с другой – как будто колебался приступить к этому решительному шагу. Политические убеждения Бисмарка были всем хорошо известны. С одной стороны, он стремился покончить с конституционным правлением, с другой – преисполнился ненавистью к Австрии и готов был тотчас же объявить ей войну. Кроме того, известно было, что Бисмарк отличается склонностью к решительным действиям, к смелому натиску. Все это делало его человеком опасным во многих отношениях, но в то же время при известных условиях и орудием, которым можно было воспользоваться с успехом. Эти обстоятельства как будто приближались. Принц Вильгельм в качестве регента старался еще энергичнее ускорить успехи прусской военной организации и требовал от народного представительства необходимых для этого сумм. Но народное представительство не доверяло принцу-регенту. Надежды на наступление новой эры скоро исчезли. С каждым днем все более выяснялось, что правительство придерживается политики, которая нисколько не соответствует ни настроению, ни стремлениям общества. Постоянные требования сумм на новые вооружения сильно смущали всех просвещенных людей. Войны в ближайшем будущем никто не ожидал, а между тем шли усиленные приготовления к войне; таким образом, возникало подозрение, что это увеличение боевой готовности направлено не

против внешних, а против внутренних врагов, что собираются отменить столь недавно дарованную конституцию и в случае возникновения беспорядков подавить их силою оружия. Не таковы были намерения правительства, которое, как мы уже отметили, формально по крайней мере, твердо решилось не изменять государственного строя: принц-регент, впоследствии король Вильгельм I, хотел только воспользоваться достигнутым влиятельным положением, чтобы осуществить свою давнишнюю мечту, то есть доставить военной организации Пруссии вполне прочное основание. Но народные представители не доверяли правительству и настойчиво отказывали ему в военных кредитах. Возникал непримиримый конфликт между обществом и правительством. Последнее распускало одну палату за другой, но выборы оказывались для него все менее благоприятными. Надо было решиться на какой-нибудь более энергический шаг. Ни одно министерство не могло удержаться долго во власти: все они терпели крушение вследствие непримиримости требований государственной власти и народного представительства.

При таких-то обстоятельствах король Вильгельм вспомнил о Бисмарке, о той энергической поддержке, которую он оказал его брату против народного представительства. Был принят во внимание и настойчивый, упорный, решительный характер Бисмарка: дело кончилось тем, что его вызвали в начале 1862 года из Петербурга для переговоров. Бисмарк, конечно, достаточно присмотрелся к делам, чтобы понять трудности положения, и уяснил себе, что устранить неразрешимый внутренний конфликт можно, только устроив отвод накопившемуся чувству недовольства. Ненависть к Австрии в нем была, как мы видели, очень сильна, и при таких условиях он сообразил, как соображали многие вовсе не гениальные люди до него, что внешние усложнения могут, временно по крайней мере, устранить внутренний кризис. Заявляя о своей полной готовности принять пост министра-президента, он, однако, ставил условием, чтобы ему разрешено было в случае надобности немедленно пустить в ход реорганизованную прусскую армию. Это условие не было принято королем, который жил в уверенности, что все несогласия с Австрией разрешатся миролюбиво, и вместе со всей Германией ужасался при мысли о братоубийственной войне. Таким образом, мысль о назначении Бисмарка министром-президентом была оставлена, и он попал посланником в Париж. Состоялись новые выборы. Палата начала свою деятельность с того, что отвергла все испрашиваемые правительством военные кредиты. Примирение между правительством и палатой оказалось невозможным. Король Вильгельм счел это за личное

оскорбление и только в этот момент с тяжелым сердцем решился выставить против народного представительства такого деятеля, как Бисмарк. Тот тем временем не только не изучал настроение французского правительства, не подготовлял его нейтралитета на случай никем не ожидавшейся войны, а проводил безмятежно дни в Трувиле и южной Франции. Тут он получил телеграмму, вызывавшую его в Берлин. Он выехал немедленно и, наученный опытом, согласился стать во главе министерства, не предлагая уже никаких условий, а просто подчиняясь воле короля. Назначение его исполняющим должность председателя министерства состоялось 11 (23) сентября 1862 года. Во всей Европе это назначение было понято в смысле решительного торжества консервативных начал. В самой же Германии влиятельная “Кельнская газета” писала: “Прусский народ знает, что г-н фон Бисмарк добивается внешних осложнений, а во внутренней государственной жизни хочет вызвать полный застой”. Орган немецких либералов, “Берлинская всеобщая газета”, дала своим читателям следующую характеристику нового министра-президента: “Начал он свою карьеру помещиком с очень умеренными политическими знаниями. В своих парламентских речах он выступил очень резко, небрежно, иногда грубо остроумно, но самостоятельных политических идей никогда не проявлял. Во Франкфурте он усвоил себе дипломатические приемы; в Петербурге и в Париже подслушивал тайны интригующих принцесс. Но с административной практикой он не знаком и нигде не имел случая присмотреться к работе государственного механизма”. Остальные менее солидные органы общественного мнения называли его “вечным буршем”, “хвастуном”, “юнкером”; общее же мнение либеральной печати сводилось к тому, что назначение Бисмарка равносильно государственному перевороту. Консервативные органы, в свою очередь, пришли в неописуемый восторг. Они верили, что всяким либеральным веяниям теперь надолго положен конец. Таким образом, вся германская печать единодушно признала назначение Бисмарка событием чисто внутреннего порядка. Лишь некоторые более дальновидные газеты выразили опасение, что это чисто внутреннее событие легко может повести к внешним усложнениям, потому что деятель закала Бисмарка не устрашится даже войны, чтобы сохранить за собой и своей партией господствующее положение.

Как бы то ни было, на первый раз произошло только крупное событие внутреннего порядка. Король Вильгельм I, устраняя всякую мысль о войне с Австрией, решил фактически пожертвовать конституционным режимом для доставления

победы своей излюбленной мечте о полной и быстрой реорганизации прусской армии.

Кризис все обострялся. Сам Бисмарк и его товарищи по министерству подвергались таким сильным нападкам в палате, что король предложил им больше не являться в заседания. Таким образом, разрыв между правительством и обществом был уже полным. Палату снова пришлось распустить. Тогда началась усиленная агитация против Бисмарка в печати. Почти вся она, за немногими исключениями, высказывалась против Бисмарка. Но он и этим нисколько не смутился, а прибег к простому средству, то есть приостановил действие закона о печати и, подражая Наполеону III, установил систему предостережений и запрещений. Тогда многие города и отдельные группы населения стали обращаться к правительству с адресами, посылали в Берлин депутации, но ни король, ни Бисмарк их не принимали. Непопулярность Бисмарка была так велика, что по всей Германии распространялись фотографические карточки, на которых он изображался в самом непривлекательном или смешном виде.

Народное возбуждение достигло таких размеров, что все стали опасаться революции, и только благодаря случайному обстоятельству казавшаяся неминуемой беда, то есть повторение кровавых событий 1848 года, и притом в гораздо более опасных размерах, была предотвращена. Этим случайным событием послужила смерть датского короля Фридриха VII. Мы сейчас выясним, почему кончина этого короля могла отвлечь внимание от внутреннего кризиса, но сперва мы должны еще сделать общее замечание. Задача, которая была возложена на Бисмарка во внутренней политике, осталась неразрешенной: он действовал как диктатор, а не как ловкий политик, который умеет выпутываться из затруднительного положения. В короткое время он до того обострил внутренний кризис, что уладить его миролюбивым путем оказалось уже невозможным, и даже правительственные деятели со страхом думали о том, к чему приведет образ действий Бисмарка. Против него восстали не только общество, не только печать, не только палата, но и сын самого короля, принц Фридрих-Вильгельм, будущий император Фридрих III. Он случайно находился в Данциге, когда был издан закон, налагавший молчание на печать, и, отвечая на приветствие представителей города, сказал: “Я сожалею, что приехал в ваш город в минуту, когда обострился разлад между правительством и народом. Я поражен; я ничего не знал об этом законе, я был в отсутствии и не мог знать о предшествовавших ему совещаниях”. Этот протест против политики Бисмарка имел весьма печальные последствия для принца Фридриха. Ему чуть было не пришлось

отказаться от своего сана и титулов и удалиться в частную жизнь. В решительную минуту сам король одумался, но с этих пор Бисмарк стал всячески отстранять кронпринца от участия в государственных делах.

Мы выяснили, до каких печальных результатов довела Пруссию политика Бисмарка, и теперь можем обратиться к тому случайному обстоятельству, которое спасло его от неминуемого поражения и доставило ему славу великого государственного человека. Отметим только еще, что в этот момент Бисмарк сам признавал свое дело проигранным. Он видел, что бурный натиск ни к чему не ведет, что сам король начинает сомневаться в избранном пути, в действенности тех средств борьбы, которые он пускал в ход по совету своего первого министра. В частной корреспонденции Бисмарка того времени мы находим письма, в которых встречаются такие фразы: “Король здоров, но окружен сетью интриг. Я желал бы, чтобы следствием этих интриг было образование другого министерства. Тогда я мог бы с почетом удалиться и спокойно жить в деревне... Теперешняя моя жизнь невыносима, и я признаю благодетелем всякого, кто старается свергнуть меня”.

Но вот умирает король Фридрих VII, и положение дел изменяется. “Тотчас после смерти датского короля, – рассказывал впоследствии Бисмарк, – я подумал о приобретении Шлезвига и Гольштинии”. Было назначено заседание государственного совета, чтобы обсудить вопрос, какого образа действий придерживаться ввиду этого события, и Бисмарк выступил с длиннейшей речью такого решительного содержания, что у слушателей возникло подозрение, не выпил ли он за завтраком лишнего. Так отзывается об этом инциденте сам Бисмарк. Не следует, однако, думать, что мысль о присоединении Шлезвига и Гольштинии принадлежит Бисмарку. Еще задолго до того, как он призван был управлять делами Пруссии, и раньше еще, чем он вообще примкнул к объединительным стремлениям немцев, вся Германия распевала знаменитый шлезвиг-гольштинский национальный гимн, в котором эти два герцогства признавались нераздельной частью немецкого отечества. Это была излюбленная песня всех немцев, воодушевлявшая их везде, где они только сходились, чтобы вместе провести время. Бисмарк не мог не знать об этом патриотическом настроении немцев, и в этот для себя тяжелый час он решил воспользоваться шлезвигским вопросом, чтобы отвлечь внимание общества от опасного внутреннего кризиса.

Посмотрим теперь, как он принялся за дело. Нечего пояснять, что этот вопрос находился в самой тесной связи с другим

вопросом, – о лучшей организации германского союза, который, как известно, действовал весьма неудовлетворительно вследствие постоянного соперничества двух главных его участниц, Австрии и Пруссии. Однако Австрия после обрушившегося на нее бедствия в 1859 году, стоившего ей такой громадной провинции, как Ломбардия, сделалась очень сговорчива и охотно шла на уступки. По ее непосредственной инициативе задуман был план обновления германского союза в смысле нового решительного шага к объединению германских государств. С этой целью австрийский император разослал всем германским государям приглашение собраться на конгресс во Франкфурте и предупредил об этом короля Вильгельма, пользовавшегося тогда минеральными водами в Гаштейне. Но король, по совету Бисмарка, отклонил это приглашение. Конгресс состоялся, и все германские государи единогласно одобрили австрийский проект. Но так как Пруссия на конгресс не явилась, то он, понятно, утратил всякое значение. Таким образом, делу дальнейшего объединения Германии был нанесен новый удар самой Пруссией. И вот возникает шлезвиг-гольштинский вопрос. Дания, пользуясь острым внутренним кризисом, вспыхнувшим в Пруссии вследствие непримиримой политики Бисмарка, решается на смелый шаг: она распространяет свое общее государственное устройство на Шлезвиг, то есть, проще говоря, присоединяет эту провинцию к своим владениям. Это был шаг очень неосторожный, ибо он вызвал взрыв негодования во всех германских государствах. Немцы мечтали о присоединении Шлезвига к германскому союзу, и вдруг Дания отвечает им таким вызовом. По предложению Пруссии и Австрии Франкфуртское собрание немедленно распорядилось о занятии герцогства войсками, и туда направлены были по шеститысячному отряду от Ганновера и Саксонии, а принц Аугустенбургский, который всеми признавался после смерти Фридриха VII законным наследником герцогства, поселился в Киле. Он действительно и был законным наследником, потому что Пруссия и Австрия соглашались признавать короля Христиана герцогом только в случае, если Шлезвиг не будет присоединен Данией к ее владениям. Устрашенный решительностью германских государей, датский король велел своим войскам отступить, и никаких военных действий не последовало. Но это не входило в расчеты Бисмарка. Всякое проявление единодушия и энергии со стороны германского союза его раздражало, так как он поставил себе целью убедить немцев, что без Пруссии они ничего не достигнут. И вот Бисмарк решается действовать помимо союза. Он, собственно, хотел немедленно занять Шлезвиг прусскими

войсками, но его удерживало соображение, что такой шаг, нарушавший все права, встретит отпор не только со стороны других германских государств, но и со стороны великих держав. Вследствие этого он прибегает к уловке, то есть предлагает Австрии совместно занять герцогство, и Австрия имеет неосторожность согласиться на это. Весь германский союз: правительства, палаты, народные собрания, с негодованием отвергли этот своевольный шаг Пруссии и Австрии, признавая его явным нарушением не только прав отдельных германских государств, но и международного права. Получилось такое странное явление, что громадное большинство германского народа оказывалось на стороне Дании, в сущности смирившейся пред требованием Германии. Нечего пояснять, что это настроение германского народа делает честь его чувству справедливости. Но Бисмарк не обратил никакого внимания на сыпавшиеся со всех сторон протесты. Он был уверен, что ни Россия, ни Франция не вмешаются в это дело. Тем временем прусская палата решительно восстала против нападения на Данию и отказала правительству подавляющим большинством – 275 против 51 голоса в военном кредите; но все это в совокупности только поощрило Бисмарка совершить чисто разбойническое нападение на Данию и украсить прусскую армию такими сомнительными лаврами, какие она стяжала на пресловутых дюппельских окопах.

Дания, подвергшись нападению со стороны двух таких государств, как Пруссия и Австрия, была разбита и вынуждена немедленно отказаться от герцогств. Любопытно, однако, что к мирным переговорам не были уже допущены представители других германских государств и что датский король отказался от своих прав на герцогство не в пользу германского союза, а в пользу Пруссии и Австрии. Впрочем, на это обстоятельство не было обращено особенного внимания, так как никто не сомневался, что Пруссия и Австрия откажутся от своих прав в пользу законного государя герцогств, принца Аугустенбургского. Так действительно понял дело император австрийский, но не так понимал его Бисмарк. Все германские государства, не исключая и Австрии, стояли на стороне права, но Бисмарк признавал своим руководящим принципом только силу. Вся Германия единодушно высказывалась за принца Аугустенбургского; Бисмарк же заявлял в палате, что, может быть, и Пруссия признает его права, но только в том случае, если он согласится на поставленные ему условия; а условия эти заключались в том, чтобы он принял на себя роль простого исполнителя приказаний Бисмарка. Принц Аугустенбургский при свидании с Бисмарком совершенно резонно заметил, что надо созвать сперва народных

представителей в герцогствах, и выразил свое удивление, что Пруссия ставит условия, так как дело могло обойтись и без ее вмешательства. Тогда Бисмарк круто прервал всякие переговоры. За принца Аугустенбургского вступилась и Австрия, и все другие германские государства; за него высказался и союзный совет. Но Бисмарк хотел вести политику на собственную руку и никакого внимания на все представления не обращал. Прусский ландтаг взял также сторону принца Аугустенбургского. Прения приняли такой бурный характер, что Вирхов публично назвал Бисмарка лжецом. Тот ответил ему по студенческой своей привычке вызовом на дуэль. Дело уладилось, но ландтаг, при восторженном одобрении всей страны, признал образ действий Бисмарка незаконным, противоречащим всем договорам и праву. Последовало, по обыкновению, закрытие ландтага. В Шлезвиге и Гольштинии население громко требовало созыва народных представителей и решительно высказывалось за законного своего государя, герцога Фридриха. На это заявление народной воли Бисмарк отвечал угрозой, что он сумеет подавить революцию.

Австрия тем временем проявляла необычайную уступчивость. Она всячески старалась кончить дело миролюбиво и встречала предупредительность со стороны короля Вильгельма, очевидно все еще страшившегося ответственности за братоубийственную войну, хотя он уже в значительной степени был поколеблен советами Бисмарка, хорошо сознававшего, что в случае мирного соглашения с Австрией его политическая роль кончена. Поэтому он убеждал короля, что внутренний враг страшнее внешнего, и опирался на заявления военного ведомства, которое уже к 1856 году, как упоминал об этом впоследствии сам Бисмарк, признавало прусскую армию вполне подготовленной к войне. Однако миролюбивые стремления обоих государей взяли верх и между ними состоялось в Гаштейне соглашение, в силу которого Шлезвиг достался Пруссии, а Гольштиния – Австрии. Конфликт считался окончательно улаженным, так что Бисмарк был даже награжден графским достоинством, что служит явным доказательством тогдашнего миролюбивого настроения короля Вильгельма – иначе, конечно, он не пожаловал бы Бисмарка таким высоким отличием.

Таким образом, вопрос мог, по крайней мере временно, считаться решенным, но тем не менее общественное мнение не успокаивалось. Не так представляли себе немцы исход дела. Самые элементарные правила справедливости были нарушены: принца Аугустенбургского к занятию престола не допускали, герцогства превратились не в достояние общего германского отечества, а, так сказать, в частное владение Пруссии и Австрии.

С австрийским владычеством местное население еще мирилось; но Пруссия вела себя как победительница, и Бисмарк не скрывал своего намерения окончательно присоединить Шлезвиг к прусскому королевству. Поэтому агитация в герцогствах все усиливалась. Шлезвигский наместник Мантейфель подавлял ее железной рукой; австрийский же наместник Габленц придерживался другой политики и предоставлял населению сравнительную свободу, или, как выражался Бисмарк, не противодействовал “революционным” происка м. Как можно было предвидеть, между Австрией и Пруссией снова произошло охлаждение, которое быстро приобрело характер явной враждебности. С той и другой стороны началось усиленное вооружение. Это вооружение, эти приготовительные действия к братоубийственной войне сильно смущали общественное мнение. Со всех сторон поступали адреса с просьбой не нарушать мира и уволить министерство Бисмарка, которое признавалось главным виновником угрожавшей Германии опасности. Эти адреса были составлены в весьма резких выражениях, в них братоубийственная война называлась изменой отечеству и провозглашалось проклятие ее виновнику. Но не только во всей стране, даже в среде самого правительства восставали против этой войны; члены королевской семьи ей не сочувствовали, и иностранные дворы вступались за дело мира. Общий голос обвинял Бисмарка. Все были уверены, что, если война возгорится, то по его почину, и все считали войну недостойной и несправедливой, потому что право, как мы выяснили, было всецело на стороне Австрии: она не принимала ни одного решения, не подвергнув дело предварительному обсуждению союзного совета, который вместе со всей страной допускал один только справедливый исход, а именно водворение принца Аугустенбургского на престол соединенных герцогств и подчинение их не Пруссии или Австрии, а германскому союзу.

Общая ненависть к Бисмарку приняла такие размеры, что нашелся молодой человек, который решил силой избавить от него Германию. На расстоянии нескольких шагов, а затем и в упор он пять раз выстрелил из револьвера в Бисмарка. Но ни одна пуля не причинила ему сколько-нибудь существенного вреда. В этом факте Бисмарк усмотрел руку Провидения, спасшего его от почти неминуемой смерти. Особенно же сильно это покушение подействовало на религиозное чувство короля. Почти тотчас же палата была распущена, последовало распоряжение о мобилизации новых корпусов, и генералу Мантейфелю ведено было вступить в Гольштинию, чтобы оградить верховные права прусского королевства. Этот шаг, нарушавший все договоры, был

равносилен объявлению Австрии войны – при таких обстоятельствах, которые уже не допускали никакого сомнения, на кого падает ответственность за братоубийство.

Итак, Бисмарк достиг своей цели. Всем известно, что война кончилась блестящей победой Пруссии, но, по признанию даже наиболее сочувствующих Бисмарку биографов его, война была очень рискованным шагом: объявляя ее, Бисмарк ставил на карту все. Допустим, однако, хотя это и противоречит историческим фактам, что эта война была неизбежна, – спрашивается, в чем проявилось дипломатическое искусство Бисмарка или его государственные способности, то есть сделал ли он все, что при данных обстоятельствах предписывалось благоразумием или политической проницательностью для того, чтобы обеспечить за собой успех? Прежде всего возникает вопрос: мог ли Бисмарк быть уверен в подготовленности прусской армии к успешной войне? На это он сам неоднократно отвечал в своих парламентских речах, доказывая, что в обсуждении военных вопросов могут быть компетентны только военные люди. Следовательно, тут Бисмарку приходилось всецело положиться на мнение военных людей. Прусские генералы признавали свои войска вполне подготовленными, но и австрийские генералы придерживались относительно своих войск того же мнения. Следовательно, ошибка была возможна, и в случае поражения пруссаков образ действий Бисмарка представился бы таким же преступным и легкомысленным поступком, каким было впоследствии заявление французских государственных людей, провозгласивших перед франко-прусской войной, что мы-де “архиготовы”. Но прусское военное ведомство не ошиблось. Можно ли это, однако, считать заслугой Бисмарка? Прусская армия оказалась готовой к войне или по крайней мере одержала блестящую победу. Усилия прусских королей не пропали даром. Вековая их работа над усовершенствованием прусской военной организации увенчалась успехом, несмотря на целый ряд неблагоприятных условий, созданных Бисмарком. Бисмарк – не Фридрих II, не Наполеон I, которые одновременно были и великими государственными людьми, и великими полководцами, умевшими вдохновлять и народ, и армию во время войны. Поэтому на долю Бисмарка выпала сравнительно скромная роль. Решив, что в военном отношении момент благоприятен для объявления войны, он должен был позаботиться о том, чтобы воодушевить германский народ, то есть указать ему великую цель, достойную бесчисленных жертв и освящавшую братоубийство. Указывал ли Бисмарк на такую цель? Мы видели, что кроме грубого попрания прав германского союза, кроме

нарушения установленных договоров, кроме насильственного захвата чужих земель, он ничего не придумал и восстановил против себя всю Германию. В своих парламентских речах он ни разу не обратился к чувству немцев, не сделал ни одного указания, что он борется за национальное объединение, эту заветную мечту всего германского народа; он постоянно толковал только о том, что Пруссия никому не подчинится, что ей дела нет до каких-то сомнительных прав, что она опирается на надежную силу, и, произнося такие речи, противодействовал всем мирным попыткам добиться сплочения Германии. В результате получилось то, что весь германский народ, не исключая и прусского, был против Бисмарка, против тех целей, которые он провозглашал – и с этой стороны о воодушевленном, самоотверженном служении отечеству не могло быть и речи. Бисмарк сделал все, что было в его силах, чтобы охладить пыл прусского народа в борьбе с Австрией, не говоря уже о том, что он отшатнул от себя все германские государства, дружно сплотившиеся под знаменами Австрии. Таким образом, ни в коем случае нельзя утверждать, что Бисмарк в этой сфере проявил выдающиеся государственные способности.

Посмотрим теперь, проявил ли он особую гениальность в другом направлении, то есть в чисто дипломатическом. Мы видели уже, что его назначение посланником в Петербург состоялось вследствие вызывающего образа действий по отношению к Австрии: его во что бы то ни стало надо было удалить из Франкфурта. Равным образом и его назначение посланником в Париж было вызвано вовсе не тонкими дипломатическими соображениями, а простым желанием предоставить ему какой-нибудь соответственный пост ввиду преждевременности воинственных осложнений, которых он добивался в случае занятия поста министра-президента. Отношения с Россией были во время его нахождения в Петербурге прекрасны, так как Россия имела основание быть недовольной и Австрией, и Францией. Следовательно, подготовлять ее к соблюдению нейтралитета на случай войны не было никакой надобности: Россия от всей души могла приветствовать поражение Австрии и Франции ввиду недавних ее счетов с этими двумя государствами в восточном вопросе. Кроме того, и эра наступивших в России крупных реформ обеспечивала Пруссию против всякой агрессивной политики со стороны России. Как на ловкий ход со стороны Бисмарка указывают только на положение, занятое им во время польского восстания. Германское общественное мнение, особенно крайние его элементы, действительно требовали, чтобы Пруссия присоединилась к

манифестации западных держав, направленной к поощрению восстания; но Бисмарк воздержался от этого и, напротив, заключил с Россией конвенцию, в силу которой русским и прусским войскам взаимно облегчена была поимка инсургентов и подавление восстания. Но усматривать в этом обстоятельстве какой-нибудь ловкий дипломатический ход нет никакого основания. Сама Пруссия насчитывает среди своих подданных немало поляков, и в случае успеха восстания брожение легко могло перейти на прусскую территорию. Кроме того, и строго консервативные начала, которых придерживался Бисмарк, побуждали его в данном случае принять сторону России против инсуррекционного правительства. Таким образом, дело объясняется весьма просто, и требуется много предвзятости, чтобы усматривать в чисто отрицательной поддержке, оказанной тогда Пруссией России, доказательство особенных дипломатических способностей Бисмарка. Всякий другой государственный человек, поставленный на его месте, поступил бы точно так же.

Какова же была его политика по отношению к Франции или, точнее говоря, каковы были его личные отношения к Наполеону III? Всем известно, что император французов всячески старался поддерживать дружбу с Пруссией. К этому его побуждали многообразные и очень важные соображения. Пруссия тогда еще была между великими державами государством сравнительно второстепенным; главную же роль играли Россия и Австрия. С обеими этими державами Наполеон свел уже счеты, и притом весьма успешно. Севастополь, Сольферино, Маджента доставили внешний блеск его царствованию, но в то же время создали ему в Европе опасных врагов. Поэтому он искал союзников и искал тем усерднее, чем более забывались достигнутые успехи и чем резче выступали неудачи во внутренней, а отчасти и во внешней политике. Мексиканская трясина поглощала много жертв людьми и деньгами и усиливала ряды внутренних врагов, которых у Наполеона III было очень много и которые сильно колебали его престол. Надо было его упрочить, а это трудно было сделать при том направлении, которое приняла политика императора французов, иначе, чем блеском военных побед или территориальными приращениями. Наполеон постоянно домогался этой цели. Пруссия принадлежала к числу государств, преследовавших честолюбивые планы и старавшихся, подобно Франции, отвлечь внимание народа от назойливых внутренних вопросов. Таким образом, сближение между Пруссией и Францией казалось вполне достижимым, и Бисмарк при нередких своих встречах с Наполеоном беспрестанно поддерживал в нем

мысль, что успехи Пруссии будут совпадать с успехами Франции. Особенно сильно он стал поддерживать Наполеона в этой мысли с тех пор, как начались его раздоры с австрийской дипломатией, а когда распря с Австрией достигла крайнего напряжения, он стал уже явно ухаживать за Наполеоном и, например, тотчас после Гаштейнской конвенции поспешил к нему в Биарицу с докладом и с новыми обещаниями.

Цель, которую преследовал в этом деле Бисмарк, ясна: он опасался вмешательства Франции в случае, если Пруссия объявит Австрии войну. Чтобы предупредить это, он постоянно давал Наполеону разные обещания относительно территориальных приобретений, которых тот добивался, и этим путем склонил его не только к соблюдению нейтралитета, но даже и к более решительным действиям. Так, только благодаря согласию Франции, Италия вступила в союз с Пруссией и таким образом повлияла на исход войны: если бы значительная часть австрийских войск не была отвлечена Италией, то Пруссии, конечно, было бы очень трудно рассчитывать на успех, а между тем король Виктор-Эммануил, обязанный Франции всем, без ее согласия никогда не решился бы объявить Австрии войну. Таким образом, все зависело от Франции (в этом сознался впоследствии сам Бисмарк), и она оказала Пруссии громадную услугу, взамен которой вполне была вправе рассчитывать на содействие последней. Действительно, Бисмарк всячески поддерживал Наполеона в этой мысли. Но вслед за разгромом Австрии Наполеон неоднократно повторял фразу: “Бисмарк меня самым наглым образом обманул”. Значит, Бисмарк не сдержал своего обещания. Правда, сам Наполеон не отличался разборчивостью в средствах борьбы, и с нравственной точки зрения его дипломатические приемы далеко не могут быть одобрены. Но тем не менее вряд ли можно привести факт, чтобы Наполеон в дипломатической сфере отказался бесцеремонно от исполнения только что данного обещания. Между тем Бисмарк поступал именно так. Он собственные обещания не ставил ни в грош и готов был на другой же день, если это ему казалось выгодным, отречься от них. Он поддерживал Наполеона в убеждении, что за свой нейтралитет он будет Пруссией щедро вознагражден, но, как только достиг своей цели, грубо отказался от всяких переговоров по данному вопросу. Таким образом, в недостатке честности Бисмарк далеко превзошел Наполеона, и благо бы этот недостойный образ действий обеспечил интересы его отечества, предохранял бы его от новой кровопролитной войны! Но, как мы знаем, тактика Бисмарка, наоборот, именно привела к войне, еще более опасной для Пруссии, и если война эта кончилась

благополучно, то в этом никак нельзя усмотреть заслуги Бисмарка, а исключительно опять-таки только заслугу организаторов прусских военных сил.

Остановимся, однако, пока лишь на прямых последствиях австро-прусской войны. И тут уже неверная тактика Бисмарка привела к тому, что плоды прусских побед были сильно урезаны. Пруссии пришлось заключить мир с Австрией при посредстве Франции. А последняя "преисполнилась патриотических опасений ввиду невероятного и неожиданного события", то есть разгрома Австрии. Если она до сих пор относилась недоброжелательно к империи Габсбургов, то после Кениггреца Наполеон решительно встал на ее сторону, озабоченный успехами Пруссии. Вследствие этого Бисмарку пришлось сильно ограничить свои требования. Объединение всей Германии под главенством Пруссии не могло состояться. Пришлось довольствоваться северогерманским союзом. Линия Майна, разделявшая северную и южную Германию, осталась в силе. Против присоединения Саксонии к прусским владениям Наполеон вместе с Австрией восстали так решительно, что от этой мысли пришлось совершенно отказаться; равным образом пришлось оставить и всякую мысль о присоединении каких-либо частей австрийской территории и довольствоваться самою ничтожной военной контрибуцией. Впоследствии эти столь недостаточные плоды прусских побед опять были истолкованы в пользу гениальных способностей и проницательности Бисмарка: он-де предвидел, что Австрия ему со временем понадобится, и поэтому не желал ее обидеть. Но и это одна только легенда. Главные основания мирных условий были предначертаны из Парижа, и если Бисмарк на них согласился, то только потому, что он опасался вооруженного вмешательства Франции. Там же, где он мог действовать, не опасаясь вмешательства этого государства, он проявил невероятную бесцеремонность, хватая все, что только мог. Присоединение Ганновера, курфюршества Гессенского, герцогства Нассауского было явным актом насилия, ибо на стороне Австрии боролись и остальные германские государства. Следовательно, Пруссия могла бы на том же основании присоединить к своим владениям и Баден, и Вюртемберг, и Баварию, и если она этого не сделала, если она с тяжелым сердцем отказалась от присоединения Саксонии, то только потому, что сил у нее не хватало. Доказывал же сам Бисмарк, что без Саксонии Пруссия никак обойтись не может. Но тут его аппетит был решительно умерен Наполеоном, который в то же время приостановил дальнейшее движение прусских победоносных войск на Вену. В общем же получился такой

результат, что, вместо объединенной Германии с восьмидесятимиллионным населением возник только северогерманский союз, отделенный от южной Германии (сохранившей в международном отношении полную самостоятельность) пресловутой линией Майна. Австрия была окончательно исключена из германского союза, то есть последний лишился ее содействия в случае внешнего нападения на Германию. При таких обстоятельствах совершенно очевидно, что выиграла в сущности не Германия, а Пруссия, что Бисмарк действовал не в пользу осуществления мечты немцев, а исключительно в пользу династии Гогенцоллернов.

Само собою разумеется, что, хотя Бисмарк и находился в свите короля Вильгельма, парадируя в мундире майора ландвера, но на военные действия не оказывал никакого влияния. Мы должны, однако, указать на один эпизод этой войны. В самый решительный ее момент, то есть во время битвы при Кениггреце, король Вильгельм лично наблюдал за ходом сражения, и можно было опасаться, что военное счастье изменит пруссакам. Австрийцы количественно преобладали; еще час, другой – и пруссакам пришлось бы отступить, если не обратиться в бегство. Момент был критический: сам Бисмарк рассказывал, что он решил в случае поражения немедленно искать смерти в бою. Если бы не подоспела армия наследного принца, пруссаки были бы смяты. Бисмарк следил за ходом дела в подзорную трубу и первый заметил на горизонте какие-то черные линии. Он указал на них другим, но общим голосом был признано, что это – борозды вспаханного поля. “Почему же они то уменьшаются, то увеличиваются?” – спросил Бисмарк. Действительно, это был армия кронпринца Фридриха-Вильгельма. Благодаря распорядительности своего молодого полководца и необычайной выносливости солдат, она подоспела вовремя. В сапогах с отвалившимися подошвами, голодные, солдаты ринулись в бой, и сражение было выиграно. Вот от каких случайностей или вот от каких заслуг зависел исход войны, затеянной Бисмарком.

После заключения мира с Австрией внутреннее устройство северогерманского союза не представляло уже никаких трудностей. Созван был учредительный рейхстаг, который одобрил составленную союзными правительствами конституцию, причем, конечно, всякая мысль об ответственном министерстве была немедленно устранена. Одобренная ландтагами конституция вступила в силу 10 июня (1 июля) 1867 года, а 2 (11) июля граф Бисмарк был назначен союзным канцлером.

Глава VI. Бисмарк – союзный канцлер

Мы остановились подробнее на периоде, предшествовавшем войне 1866 года, потому что он полнее всего выясняет деятельность Бисмарка как государственного человека и дипломата. Позднейшая его деятельность является только продолжением или довершением того, что им сделано в это четырехлетие. Вникнуть в его политику, уяснить себе его приемы за это время – значит понять всего Бисмарка. Мы видели, что во внутренней политике он до последней степени обострил конфликт между правительством и обществом и что в результате получилось совершенно безвыходное положение. Исход оставался один – прибегнуть к войне, создать во что бы то ни стало вооруженное столкновение. Никто с Пруссией войны не искал, менее всего Австрия, и нужно было прибегнуть к самому грубому нарушению установленных договоров и международного права, чтобы вызвать войну. Так и поступил Бисмарк. Если в результате этой войны получилась не крупная неудача, а блестящий успех, доставивший Бисмарку славу гениального государственного человека, то это объясняется совершенством прусской военной организации и одержанными прусской армией поразительными по своей быстроте успехами. Но если бы поединок Пруссии с Австрией имел неблагоприятный для первой исход, то от всей деятельности Бисмарка не осталось бы ничего, за что германский народ мог бы поблагодарить этого прославленного ныне деятеля. Он возбудил против себя всеобщую ненависть, и, в случае военного поражения, ему, как он сам об этом заявлял, ничего бы не оставалось, как подставить лоб под неприятельскую пулю. Вероятно, однако, что он бы к такому героическому искуплению собственных грехов не прибег, а просто удалился бы в свой Шенгаузен и разделил бы участь Меттерниха, деятельность которого оказалась столь же бесплодной.

Но прусская армия одержала блестящие победы. Вместе с тем к Пруссии были присоединены новые многолюдные территории, и северогерманские государства вынуждены были примкнуть к сильному. Создался северогерманский союз. Созван был рейхстаг, то есть народное представительство от всех государств, образовавших новый союз. Блестящие военные победы устранили на некоторое время конфликт между правительством и народом. Прусский ландтаг согласился возместить издержки, вызванные войной, и назначил главным деятелям, в том числе и Бисмарку,

денежное вознаграждение. Бисмарк использовал его на приобретение знаменитого Варцина. Но этот “медовый месяц” продолжался очень недолго. Уже в учредительном рейхстаге из-за различных вопросов возникли пререкания между Бисмарком и народными представителями. В числе этих вопросов снова первое место заняли расходы на армию. Чем дальше развивалась законодательная деятельность, тем сильнее снова обострялся кризис между правительством и народом. Бисмарк был лишен способности ладить с народным представительством: его натуре была глубоко противна роль конституционного министра. Он и не желал принимать на себя подобной роли, не допускал критики своих действий и постоянно давал чувствовать, что он все лучше знает и лучше понимает, чем кто-либо другой. Независимо от пререканий с рейхстагом возникали и другие затруднения. Союзные правительства, как ни ограничены были их права, также проявляли недружелюбие к союзному канцлеру. Между тем он теперь окончательно вошел во вкус роли объединителя, но понимал эту роль в прежнем духе, то есть в смысле подчинения всех интересов интересам прусским. Как мы видели, линия Майна была сохранена. Южногерманские государства: Баден, Вюртемберг, Бавария – сохранили полную независимость, и возникла мысль объединить их с Северной Германией, по крайней мере в таможенном отношении. С этой целью был созван так называемый таможенный парламент, но выборы в этот парламент сразу оказались крайне неблагоприятны для Пруссии, а заседания его не привели ни к каким положительным результатам. Бисмарк, кроме того, носился с мыслью о заключении военных договоров с южногерманскими государствами, но и тут он наталкивался на непреодолимые препятствия. Словом, недоверие к Пруссии было всюду очень сильно, и если спросить себя, почему чувство недоверия брало верх над несомненным горячим стремлением всех немцев объединить свое отечество, то ответ может быть только один: главным препятствием служила личность Бисмарка. Его желание во что бы то ни стало превратить всю Германию в расширенное прусское королевство с почти неограниченной центральной властью сильно охлаждало объединительный пыл германского народа. И тут государственное искусство Бисмарка оказалось весьма сомнительным.

Трудно предвидеть, чем бы кончился этот снова вспыхнувший внутренний кризис, если бы внешние осложнения не пришли Бисмарку на помощь. Образ действий, которого придерживался Бисмарк во время столкновения с Австрией по отношению к Франции, подготовил почву для серьезных пререканий между двумя государствами. Мы видели уже, что Бисмарк, чтобы

обеспечить за собой нейтралитет Франции, постоянно обнадеживал Наполеона и уверял его, что могущественная Пруссия вернее всего может содействовать осуществлению его планов. Наполеон находился приблизительно в таком положении, как и сам Бисмарк. Правда, он не возбудил в своем народе такой ненависти, какую Бисмарк возбудил к себе в Германии, но Бисмарк имел могущественную опору в лице королевской власти, в тех чувствах, которые издавна питали пруссаки к своим монархам; но престол Наполеона III был очень неустойчив после целого ряда революций, происшедших во Франции, и его во что бы то ни стало надо было упрочить внутренними или внешними успехами. Лавры, приобретенные в Крыму и Ломбардии, давно увяли. Неудача следовала за неудачей: Мексику пришлось очистить, императора Максимилиана расстреляли, по соседству с Францией неожиданно возникло объединенное сильное государство, которое нанесло решительное поражение наиболее могущественной военной державе в средней Европе и в то же время отказывалось содействовать территориальным приобретениям Франции – а они одни еще могли покрыть новым, пусть только мишурным блеском потускневшую императорскую корону. Был ли расположен Наполеон III к войне? Очевидные факты допускают только отрицательный ответ на этот вопрос. Если бы он был расположен к войне, он не упустил бы благоприятного момента и воспользовался бы австро-прусской войной для округления границ Франции. Сам Бисмарк признал, что момент этот был очень удобен для Франции и что если бы император французов вздумал приступить к мобилизации, то Пруссия не могла бы дать ему отпор. “Но, – прибавил Бисмарк, – у Наполеона чисто гамлетовская натура”. Однако эта гамлетовская натура сумела проявить достаточную решительность, завладев французским престолом, объявив войну России и затем Австрии. Наполеону было уже 56 лет, и он страдал серьезным физическим недугом. Кроме того, он был честнее Бисмарка в политических делах (хотя, как мы видели, это немного значит) и не мог себе представить, что Пруссия, столь сильно обязанная Франции, – ибо без поддержки Наполеона прусскому правительству нельзя было и помышлять о разгроме Австрии и о союзе с Италией, – отплатила бы ему заносчивым и вызывающим игнорированием его интересов. Однако Бисмарк сразу же после достигнутого им успеха круто переменил тактику. Если он раньше ссорился с австрийской дипломатией, если потом, будучи назначен министром-президентом, как бы умышленно вызывал на бой общественное мнение и вооружал против себя всех немцев поголовно, то теперь он начал с такой же

заносчивостью относиться к Наполеону.

Наполеон всячески избегал войны. Мы не имеем возможности тут проследить все фазисы пререканий, которые привели к франко-прусскому поединку. Но достаточно будет остановиться на главных моментах, чтобы понять, какого вызывающего образа действий придерживался Бисмарк. Тотчас после окончания войны 1866 года возникает люксембургский вопрос, то есть Наполеон хочет вознаградить себя за нейтралитет небольшим территориальным приращением, совершенно нечувствительным для Пруссии, тем более, что Люксембург, как известно, состоял тогда в личной унии с королем голландским, который соглашался уступить Франции эту страну за известное денежное вознаграждение. Но Бисмарк противится этой сделке. Дело, однако, улаживается конференцией, которая, сообразуясь с международным правом, оставляет Люксембург за германским союзом и требует только срытия крепости и удаления прусских войск. Таким образом, Наполеон вознаграждения не получает, и можно себе живо представить, как велико было его разочарование. Он мечтал о рейнской границе, о Бельгии, и вдруг не смог получить даже Люксембурга. Но тотчас после этого удара Бисмарк наносит Наполеону второй, в шлезвигском вопросе, то есть в вопросе об уступке Дании северных местностей Шлезвига со сплошным датским населением. Наполеон вступился за Данию, но Бисмарк ему решительно отказал. Это окончательно раскрыло Наполеону глаза. Он увидел, с каким дипломатом он имеет дело, и убедился, что мирным путем он от Бисмарка ничего не получит, что его династические интересы, которые он отождествлял с интересами Франции, сильнейшим образом пострадали от его неосторожной политики, то есть от доверия, которое он питал к Пруссии и которое побудило его дать Пруссии возможность разгромить Австрию. Если австрийские дипломаты громогласно заявляли, что они благодарности в политике не признают, то Бисмарк об этом не говорил, но в своих действиях проявлял такую черную неблагодарность, что в этом отношении превзошел даже австрийских дипломатов. Наполеон испытал в люксембургском и шлезвигском вопросах то, что впоследствии пришлось испытать России на берлинском конгрессе и в болгарском вопросе. Заносчивость Бисмарка уже после 1866 года достигла таких размеров, что Наполеон вынужден был отказаться от всякого расчета на сколько-нибудь внимательное отношение к своим интересам со стороны Пруссии и обратиться к усиленным вооружениям. Франция готовилась к войне. Она приступила к реорганизации своей армии, начала разрабатывать план военных действий, поддерживать врагов Пруссии где только могла, искать

сближения с Австрией (Зальцбургское свидание 1867 года).

Что же делает в это время Бисмарк? Конечно, для него не могло быть тайной все, что творилось во Франции. Надо полагать, что, ввиду этих обстоятельств, ввиду приближавшейся войны, он постарается сплотить германский народ, вступить в соглашение с южногерманскими государствами, проявить большую умеренность во внутренней политике, ослабить то невыгодное впечатление, которое он произвел своей прежней деятельностью. На самом деле ничего такого не было; наоборот, Бисмарк поступает так, как будто он поставил себе целью поссориться со всеми. В рейхстаге он то и дело возбуждает щекотливые вопросы или разжигает страсти разными нетактичными замечаниями. При пересмотре уголовного кодекса он настаивает на смертной казни там, где рейхстаг хочет ее заменить более мягкими наказаниями, или бросает в лицо народным представителям, проявившим столько патриотизма, упрек, что они заражены республиканским духом. Великий герцог Баденский, связанный близкими узами родства с прусским королевским домом, предлагает вступить в северогерманский союз. Бисмарк отвергает это предложение, руководствуясь, вероятно, тем мотивом, что тогда объединителем Германии будет признан не он один. По отношению к свергнутым с престолов королю ганноверскому и курфюрсту Гессенскому он придерживался самого крутого образа действий, хотя они имели немало сторонников в Германии: он конфискует их имущество и на конфискованные суммы учреждает такой крайне непопулярный фонд, как Вельфский, предназначенный преимущественно для организации официозной печати, то есть той печати, которая в течение двадцати с лишним лет неустанно возвеличивала Бисмарка и провозглашала его гениальнейшим из всех государственных людей.

Вооружая таким образом всех против себя в пределах самой Германии, он в то же время все сильнее раздражает и Наполеона III. В начале 1869 года возник так называемый гогенцоллернский вопрос, то есть вопрос о кандидатуре принца Леопольда Гогенцоллернского на испанский престол. Само собою разумеется, что Франция не могла отнестись равнодушно к этой кандидатуре, особенно после тех поражений, которые уже нанес Бисмарк французской дипломатии: выходило, что Франция не только не может рассчитывать на территориальные вознаграждения за содействие, оказанное ею Пруссии, не только должна примириться с возникновением могущественного государства на восточной своей границе, но вдобавок еще ей угрожают с юга вступлением на испанский престол члена

прусской королевской семьи. Между тем Бисмарк в своих беседах с французским послом Бенедетти отговаривался тем, что принц Леопольд пользуется полной свободой в своих решениях и что он, по-видимому, склонен принять испанскую корону, но что Бисмарк лично ему не советует пускаться в такое опасное приключение, хотя это – дело самого принца. Понятно, какое впечатление должны были произвести такие речи на французское правительство. Всем было известно, что принц Леопольд, как член прусской королевской семьи, не решится на такой серьезный шаг без соизволения короля. Поэтому было весьма понятно, что французское правительство усматривало в этой кандидатуре враждебное действие со стороны Пруссии. Сам король высказывался в том же духе, как и Бисмарк, то есть говорил, что он принцу не советует принимать кандидатуру, но что формально обязать себя, особенно относительно будущего, он не может. В это время произошло свидание короля прусского с императором Александром II в Эмсе в присутствии Бисмарка и русского посла в Берлине, господина Убри. После этого свидания король прусский стал еще решительнее отказываться принять на себя какие бы то ни было обязательства относительно кандидатуры принца Гогенцоллернского на будущее время, и когда французский посол Бенедетти проявил настойчивость в своих домогательствах, ему отказано было в аудиенции. Таким образом, произошел разрыв между Францией и Пруссией.

Ввиду всех этих фактов нам кажется, что и сомнений не может быть никаких относительно вопроса, кто, собственно, является истинным виновником войны 1870 года. После одержанной над Австрией победы Бисмарк в течение четырех лет постоянно раздражал Францию, и его склонность довести дело до разрыва возрастала по мере того, как он терпел неудачи во внутренней политике. Мы видели, как он вел эту политику, и убедились, что его образ действий не мог привести ни к чему иному, как к сильному охлаждению немцев к идее об окончательной консолидации их отечества под главенством прусского короля. И вот Бисмарк вторично ставит все на карту, вызывает новую войну в расчете, что и на этот раз военное счастье не изменит прусскому оружию. Настает решительный момент. Пруссия не уверена в готовности южногерманских государств сражаться вместе с ней против Франции. Казалось бы, что мнимому объединителю Германии, то есть Бисмарку, следовало бы вступить в переговоры с Баварией, Вюртембергом и Баденом, чтобы заручиться их союзом, но он хорошо сознает, что его миссия не может увенчаться успехом, что ему, как представителю идеи полного подчинения германских государств

Пруссии, вряд ли удастся склонить южногерманские государства к совместной борьбе. Объединителем Германии в этот критический момент выступает кронпринц Фридрих-Вильгельм, позднейший император Фридрих III, признающий своим “долгом позаботиться о развитии государственной и национальной жизни в либеральном духе” и приглашающий немцев “верить, что он далек от мысли вмешиваться в их внутренние дела или лишать их местной самобытности”, и “смотреть на него и на его жену как на своих людей, а не как на северогерманских узурпаторов”, провозглашающий, что он будет “монархом, который предстанет перед своим народом честно и без всяких задних мыслей, преданный конституционным учреждениям”. Кронпринц Фридрих-Вильгельм склонил в этот решительный момент южногерманские государства сражаться вместе с Пруссией против общего врага; он уверил их, что Пруссия под его властью не будет подавлять свободу и самостоятельность других членов союза германских государств, и ему поверили, потому что он, в противоположность Бисмарку, всегда умел внушать к себе доверие всех, с кем ни сталкивала его судьба, потому что он был натурой глубоко честной и потому еще, что его государственные приемы были диаметрально противоположны тем, которых придерживался Бисмарк. Мы в то же время знаем, кому обязана Германия победой над Францией. Конечно, не дипломатам, а людям военным, и на первом месте тут стоят опять-таки кронпринц Фридрих-Вильгельм и Мольтке. Если последний проявил замечательные стратегические способности, то будущий император Фридрих III сумел воодушевить армию, выступить решительным борцом за объединение Германии на основании того единственно верного принципа, что “он не знает различия между баварцем, баденцем и другими жителями тридцати трех отечеств”. Король Вильгельм был прав, когда под Парижем, указав на сына, заявил: “Вот кто нас сюда привел”. О жизни и деятельности Бисмарка во время войны мы имеем самые подробные и точные сведения. Это – дневник одного из чиновников его походной канцелярии, доктора Морица Буша, появившийся в свете под заглавием: “Граф Бисмарк и его люди”. Буш находился в постоянном общении с Бисмарком и принадлежит к самым горячим его сторонникам. Его книга с начала до конца является хвалебным гимном в честь его начальника, и тем не менее трудно было бы, кажется, даже самому рьяному порицателю Бисмарка составить книгу, более для него невыгодную, окончательно его развенчивающую как человека и государственного деятеля. Читая дневник Буша, мы иногда просто приходим в сомнение, не издевается ли он над

своим кумиром, не руководят ли его пером злоба и ехидство, – так возмутительны те факты, которые он сообщает. В общем, получается такая картина, что Бисмарк преимущественно озабочен был тем, как бы поплотнее покушать и лучше выпить. Страшное кровопролитие не производит на него никакого впечатления. Напротив, он возмущается тем, что военное начальство слишком мягко обращается с французами. Когда поступает известие, что отряд волонтеров под начальством Гарибальди, численностью в 13 тысяч человек, попал в плен, Бисмарк восклицает: “Как это печально! 13 тысяч волонтеров взято в плен. Почему же их не расстреляли?” Когда Жюль Фавр жаловался Бисмарку, что при бомбардировании Парижа ядра попадают в приют для слепых, тот отвечал: “Чего вы жалуетесь? Вы поступаете еще хуже: вы стреляете в наших здоровых людей”. А когда Фавр ему рассказал, что на бульварах матери еще иногда прогуливаются со своими детьми, Бисмарк возразил: “Странно, что они их еще не съели”. Так шутил Бисмарк. Когда ему сообщали, что войска сожгли ту или другую деревню, он весело потирал руки, прибавляя: “Вот это я хвалю”. Он приходит в восторг, когда ему сообщают, что какой-то баварский солдат спрашивает своего офицера: “Как поступить с деревней: следует ли ее сжечь или умеренно опустошить?” Под Парижем ему отводят квартиру в вилле Ротшильда. Хозяев, конечно, нет; остался один дворецкий. Бисмарк требует вина. Дворецкий отвечает, что вина нет. Бисмарк его спрашивает: “А знаете ли, любезнейший, что такое соломенный мешок?” – и самодовольно прибавляет: “На него кладут человека оборотною стороною вверх”. Вино, понятно, тотчас же появилось, и Бисмарк с удовольствием рассказывал об этом случае всем своим посетителям. Но в особенности поражает в дневнике Буша, что в самые решительные моменты разыгрывавшейся трагедии, когда гибли десятки тысяч людей, Бисмарк был озабочен главным образом тем, как бы поплотнее покушать, добыть шампанского, причем он ведет бесконечные гастрономические беседы, прерываемые только восклицаниями “надо расстрелять, повесить, сжечь” да жалобами на то, что военные власти не сообщают ему никаких сведений о ходе операций. Просто возмутительны передаваемые Бушем подробности о том, как он обращался с Фавром или Тьером, когда те приезжали к нему вести переговоры о приостановке военных действий или о перемирии. Когда Тьер, патриотическое чувство которого подверглось такому сильному испытанию, воскликнул при одном из неумолимых требований Бисмарка: “Да это оскорбление!” – Бисмарк начал говорить с ним уже по-немецки, зная, что Тьер этого языка не понимает. На

жалобу последнего он сухо ответил: “В таком тоне я не умею говорить по-французски. Выражайтесь дипломатичнее, тогда мне можно будет говорить по-французски”.

Наполеон III и Бисмарк, на другое утро после битвы при Седане Картина В. Камгаузена. *По фотографической копии*

Во время знаменитой встречи с Наполеоном, когда тот старался выговорить наиболее выгодные условия для капитуляции Седана и, возмущенный требованиями, которые предъявлял Бисмарк, заявил ему, что армия его предпочтет взорвать крепость и погибнуть, Бисмарк ответил: “Что же, пусть себе взлетают на воздух”. Такими “находчивыми” ответами и остротами наполнены два тома книги Буша, и в этом отношении рьяный сторонник Бисмарка воздвиг ему очень незавидный памятник. Еще в другом отношении книга эта содержит указания, весьма характерные для Бисмарка. Одною из главных его забот было снабжать немецкую печать сведениями и соображениями по поводу происходивших событий. Мы узнаем, например, что появившийся во всех газетах отчет о свидании Бисмарка с Наполеоном был продиктован самим канцлером. Бывали дни, когда он внушал Бушу до шести разных газетных статей, вступая в полемику с разными мнениями. Почти каждый раз день начинался с того, что Бисмарк предлагал написать ту или другую статейку, рекомендовал иллюстрированным газетам тиснуть тот

или другой портрет людей, к которым он особенно благоволил. Статейки, внушенные Бисмарком, печатались в разнообразнейших органах, и, таким образом, он старался руководить общественным мнением, особенно когда оно проявляло склонность отнестись снисходительнее, гуманнее к побежденным французам. Само собой разумеется, что газеты дорожили сведениями с театра военных действий, и притом полученными из достоверных источников. Но всем этим сведениям придавалась определенная окраска в духе тенденций Бисмарка. Вот как писалась тогда история, как общество умышленно вводилось в заблуждение. Не менее характерны и те места в дневнике Буша, где, как мы уже отметили, указывается на постоянные жалобы Бисмарка, что военные власти не сообщают ему сведений о ходе военных операций. Эти жалобы были направлены главным образом против наследного принца Фридриха-Вильгельма. Несмотря на свои военные способности, кронпринц был врагом войны и в 1870 году поклялся, что это будет последняя его война. Он был расположен вести кампанию по возможности гуманнее, и в его распоряжениях это сквозит на каждом шагу. Наоборот, Бисмарк требовал самых крутых мер, особенно во время осады Парижа и против так называемых франтиреров. Его возмущало, что кронпринц склонен принять английское предложение относительно смягчения участи жителей осажденного Парижа. Ввиду всего этого кронпринц скрывал от Бисмарка многие известия, опасаясь, что тот, пользуясь своим влиянием на короля, будет настаивать на крутом решении возникавших вопросов. Бисмарк мстил ему тем, что, когда ему удавалось где-нибудь завладеть хорошим помещением для себя и своей канцелярии, он решительно отказывался уделить кронпринцу часть этого помещения и постоянно жаловался королю на образ действий кронпринца. Таким образом, и дело присоединения южногерманских государств к германскому союзу, следствием которого было провозглашение Германской империи в Версальском дворце, обошлось без Бисмарка. Любопытно и то обстоятельство, что король Вильгельм и его советник Бисмарк сомневались, как приступить к этому решительному шагу: они чувствовали, что их прежняя политика не могла возбудить симпатии к мысли об окончательном объединении Германии, так что даже не решались предложить титул “императора”, полагали, что лучше назвать короля прусского “герцогом” всех германских государей. И в этом вопросе энергия кронпринца Фридриха-Вильгельма преодолела все препятствия. Его личность внушала безусловное доверие. Население, воодушевленное одержанными победами, шумно домогалось окончательного объединения

Германии, а государи знали, что, ввиду преклонных лет короля Вильгельма (ему было тогда семьдесят три года), в более или менее близком будущем императором германским сделается кронпринц, взгляды которого во многих отношениях, и притом в коренных вопросах, диаметрально расходились со взглядами канцлера короля Вильгельма. Не Бисмарк, а кронпринц, популярность которого в то время достигла самых широких размеров и личность которого внушала всем доверие, был связующим звеном между германскими государями. Только благодаря ему, провозглашение Германской империи состоялось сравнительно легко, вопреки всем препятствиям, созданным Бисмарком.

Последствием войны для Бисмарка было возведение его в княжеское достоинство, награждение значительными денежными суммами и переименование его из союзного канцлера в имперский, состоявшееся 9 марта 1871 года, в день открытия общегерманского рейхстага.

Глава VII. Бисмарк – имперский канцлер

Итак, благодаря двум кровопролитным войнам, Германия была объединена. Однако если сравнить положение, существовавшее до 1866 года, с положением, установленным после 1870 года, то мы должны будем признать, что в очень существенном отношении достигнутый результат означает несомненный регресс. Прежний германский союз обнимал собой все германские страны, в том числе и обширные немецкие провинции Австрии; после же 1870 года возникшая новая Германская империя как бы окончательно отказалась от этих провинций, и естественным последствием такого положения дел со временем должно было быть подчинение десяти миллионов немцев, населяющих Австрию, более многочисленным славянским народностям и мадьярам, число которых в общей сложности достигает тридцати миллионов. Таким образом, видимое объединение немцев, собственно, привело к более сильному их разобщению. Германские государства, правда, сплотились, но ценой страшной жертвы – ценой утраты десяти миллионов единоплеменников. Этот бросающийся в глаза результат условий, при которых состоялось объединение Германии, почему-то всеми упускается из виду, а между тем он должен был бы умерить восторг, вызванный состоявшимся в 1870 году национальным объединением немцев. Но, как бы то ни было, в значительно суженных границах нового союзного германского государства, то есть новой Германской империи, достигнута была, благодаря патриотическому воодушевлению немцев, сплоченность государственного строя, иначе говоря, централизация в административном и законодательном устройстве. Это был несомненно ценный результат, и Бисмарку, как имперскому канцлеру, предстояла теперь задача воспользоваться им для увеличения благосостояния объединенных элементов германского народа и для упрочения безопасности возникшей Германской империи. Посмотрим теперь, как он справился с этой задачей?

Естественнее всего было ожидать, что после кровопролитных войн, после громадных жертв, принесенных германским народом, настанет эра умиротворения, общих дружных усилий, направленных к обеспечению мира, как внутреннего, так и внешнего, и увеличения благосостояния Германии. Но возлагать такие надежды на будущее могли только люди, не уяснившие

себе отличительных свойств натуры Бисмарка. Из нашего очерка читатели могли убедиться, что он уже с ранней молодости постоянно отыскивал себе врагов и даже искусственно создавал их. По своей природе, по своим наклонностям, он не мог и представить себе общественной и государственной деятельности иначе, как в виде борьбы с действительными или воображаемыми противниками. Твердо идти к намеченной цели, убеждать других в ее плодотворности, вербовать себе союзников, устранять собственную личность и выдвигать только преследуемую цель – на это Бисмарк никогда не был способен, и притом по двум причинам: во-первых, потому, что ясно определенной программы у него никогда не было, а во-вторых, потому, что страстные и бурные натуры к такой тактике вообще не способны. Бисмарк разгромил Австрию, разгромил и Францию; теперь он внутри государства отыскивал врагов, и отыскивал их вовсе не среди противников германского объединения, а где случится, с неразборчивостью человека, руководствующегося не высшими идеальными стремлениями, а внушениями своего темперамента. Если мы станем на точку зрения лиц, усматривающих в Бисмарке великого борца за объединение немцев, то вся его внутренняя политика будет нам совершенно непонятна; если же мы взглянем на него как на деятеля, не терпящего никакого противодействия, никакого возражения, как на властную натуру, стремящуюся удовлетворить свои сиюминутные порывы, то вся деятельность Бисмарка разъяснится нам сразу. Если бы он был действительно воодушевлен идеей окончательного сплочения немцев, он избегал бы систематического разжигания страстей в только что объединенном отечестве, он не создавал бы себе искусственно врагов, не обострял бы до последней степени все внутренние кризисы, большая часть которых, как мы сейчас увидим, вызывалась вовсе не существующими условиями, а преимущественно крупными ошибками самого Бисмарка. Как только он начал управлять объединенной империей, у него появлялся один могущественный враг за другим, и эти враги, с которыми он боролся бурно, страстно, с напряжением всех своих сил, оказались сильнее его. При содействии Мольтке и кронпринца Фридриха-Вильгельма Бисмарк разгромил Австрию и Францию; но когда он был предоставлен самому себе, когда он выступил в поход против так называемых внутренних врагов, он проигрывал сражение за сражением и наконец должен был, в силу обстоятельств, в силу совершенных им крупных ошибок, сойти со сцены, то есть выйти в отставку. Биографы Бисмарка поражаются тому факту, что в сфере дипломатической он оказался будто бы гениальным деятелем, а в сфере внутреннего управления самым

посредственным государственным человеком. Кажется, следовало бы остановиться на том факте, что история не знает примера великих государственных людей, которые были бы гениями в решении внешних задач и посредственностями в решении внутренних. Но относительно Бисмарка это считается возможным вследствие непризнания того простого факта, что если бы прусская армия не одержала побед под Кениггрецем и Седаном, то никому не пришло бы и на ум толковать о гениальности Бисмарка.

Мы еще вернемся к дипломатической деятельности Бисмарка, а пока попытаемся очертить его борьбу с так называемыми "внутренними врагами империи", – как он сам выражался, почему-то отождествляя себя с Германской империей, созданной прусской армией. Враги эти были не всякого рода сепаратисты и партикуляристы, как бы следовало ожидать, а либеральная партия, клерикалы и социалисты. С ними Бисмарк последовательно вступал в борьбу, и под их ударами постепенно померкла его слава. Начнем с клерикалов, потому что он с ними первыми вступил в бой.

Любопытно то обстоятельство, что в смысле деятельного и могущественного фактора законодательной жизни Германии или Пруссии клерикальной партии до 1870 года вовсе не существовало. Она вдруг возникает после создания империи и рейхстага, с каждым днем все усиливается, одерживает парламентские победы и в конце концов заставляет Бисмарка смириться перед собой.

В объединенной Германии насчитывается более семнадцати миллионов католиков, то есть значительно больше одной трети всего населения. Само собой разумеется, что при таких обстоятельствах Бисмарку, если бы он действительно был воодушевлен стремлением сплотить германский народ, следовало избегать религиозных преследований. Странно было в самом деле добиваться единства Германии и разделить ее на два враждебных лагеря. Но именно с этого и начал князь Бисмарк свою деятельность в качестве имперского канцлера. Летом 1870 года был провозглашен догмат папской непогрешимости. Некоторые епископы восстали против этого догмата; но в общей сложности их оказалось очень мало. А между тем Бисмарк вступается именно за них и сразу провозглашает противодействующих ему епископов революционерами и мятежниками. Но это было только начало целого ряда крутых мер, которыми ознаменовалась так называемая культурная борьба. Уже в 1871 году департамент католического вероисповедания при министерстве народного просвещения был упразднен. Таким образом, единственное

административное учреждение, ведавшее делами немецких католиков, перестало существовать. Со свойственным ему бурным натиском Бисмарк продолжал вести борьбу и воодушевился ею сразу до такой степени, что провозгласил свое знаменитое: “В Каноссу мы не пойдем!” Последовало изгнание иезуитов, на епископов налагались штрафы, их сажали в тюрьму и отрешали от должностей. Через несколько лет из двенадцати епископских кафедр девять оказались вакантными. В прусский ландтаг Бисмарк внес законопроект, в силу которого все строптивое католическое духовенство лишалось содержания от правительства. Тысячи приходов остались без пастырей. Преподавать закон Божий в школах было некому. Католические богословские факультеты в университетах бездействовали. Некому было совершать требы. Дипломатические сношения с Ватиканом были окончательно прерваны. Словом, получилось невыносимое положение дел. Бисмарк поставил вопрос так, как будто он хотел властвовать над совестью католических граждан Германской империи. Он выдавал себя защитником государства против претензий церкви; на самом деле он лишал верующих возможности удовлетворять свои религиозные потребности, то есть вторгался в область, которая в культурных государствах не подлежит ведению светского правительства. В своей борьбе против католического духовенства он дошел до того, что отрекся от прежних своих воззрений на гражданский брак и сам внес законопроект, отменяющий обязательность церковного брака. Ненависть, которую он возбудил против себя этой новой борьбой, этим новым подавлением одного из видов свободы, была так сильна, что опять нашелся молодой человек, который вздумал насильственно освободить Германию от деятеля, так пренебрежительно относившегося к самым священным чувствам людей. Покушение его произошло в Киссингене 1 (13) июля 1874 года. Пуля ранила Бисмарка только слегка в руку. Но это, понятно, не устрашило Бисмарка, и он продолжал с прежней страстностью вести борьбу, которой положило конец другое обстоятельство. Непосредственным результатом этой борьбы было образование в рейхстаге так называемой партии центра, число членов которой быстро возрастало и вскоре достигло высокой цифры – 100 депутатов, то есть четвертой части общего числа депутатов. Бисмарк мог, безусловно, рассчитывать на консерваторов; их было около 110. Наиболее сильной партией, однако, были так называемые национал-либералы, число которых доходило после войны до 150; вместе с консерваторами это составляло 260, а так как в рейхстаге заседают около 400 депутатов, то Бисмарк располагал на первых порах громадным

большинством. Но по мере того, как выяснялась его внутренняя политика, как оказывалось, что он продолжает оставаться скрытым противником конституционного правления и постоянно принимает непопулярные меры, национал-либеральная партия, вызванная к жизни взрывом патриотизма, началараспадаться и постепенно сократилась до 60 человек. Соответственно возросли остальные партии, враждебные Бисмарку, и получилось так, что он мог более или менее твердо рассчитывать на голоса всего 170 депутатов; большинство же оказывалось уже не на его стороне и по большей части голосовало вместе с центром, который под умелым и талантливым руководством Виндгорста составил ядро оппозиции. Мы выяснили это положение дел потому, что в нем заключается разгадка той тактики, которой приходилось придерживаться Бисмарку почти во всех вопросах внутренней и внешней политики. Но с точки зрения занимающего нас теперь вопроса мы должны констатировать, что если бы Бисмарк не вступил в культурную борьбу, другими словами, если бы он не обострил до последней степени антагонизма между протестантским правительством и католическими гражданами страны, то партия центра не могла бы возникнуть и во всяком случае не приобрела бы такого влиятельного положения, что Бисмарку в конце концов пришлось потерпеть полное банкротство во внутренней политике. Внимание рейхстага направилось бы на другие более плодотворные вопросы, чем подавление религиозной свободы очень значительной части германского народа, и соответственно образовалась бы другая группировка партий, при которой можно было бы управлять страной без тех искусственных и насильственных приемов, к которым вынужден был постоянно прибегать Бисмарк в течение своего почти двадцатилетнего управления делами объединенной Германии. Собственно, он уже очень скоро после войны перестал быть конституционным министром, потому что не располагал сколько-нибудь устойчивым большинством в рейхстаге. Его политика возбуждала против себя полное неудовольствие народных представителей, и он сам чувствовал, как шатко в этом смысле его положение. Но он находил поддержку в престарелом императоре Вильгельме. Зная, что император очень дорожит им как преданным защитником прав и могущества прусского королевского дома, он, в моменты решительного столкновения с рейхстагом, неизменно прибегал к одной уловке, то есть предлагал отставку, на что император ему отвечал категорическим “никогда”. Этой уловкой он в то же время возбуждал патриотическое чувство тех немцев, которые верят, что Германия обязана своим объединением главным образом

Бисмарку. Но все это не спасло его от капитуляции перед партией центра. Культурная борьба началась тотчас после войны, а в 1887 году Бисмарк вынужден был отменить институт священников, назначаемых государством, упразднить суд для церковных дел, предоставить полную свободу в отправлении треб и богослужения, допустить дисциплинарные взыскания, налагаемые духовенством на прихожан, восстановить право епископов учреждать богословские учебные заведения, восстановить права монашеских орденов и других конгрегации, разрешить монахиням руководить женским образованием в средних и низших учебных заведениях, возобновить дипломатические сношения с куриею, – словом, Бисмарк вынужден был признать все меры, принятые им во время культурной борьбы, несостоятельными, отречься от них и вернуться к положению, существовавшему до 1870 года. Гордое изречение Бисмарка не оправдалось, и перед выходом своим в отставку он смиренно “пошел в Каноссу”. Но в таком случае к чему было затевать всю эту борьбу, столь опасную для объединенной Германии и лишившую самого Бисмарка возможности управлять страной при более нормальных и плодотворных условиях?

С не меньшей страстностью он повел борьбу и против социалистов. Тотчас после создания Германской империи число социалистов-избирателей простиралось до 25 тысяч; шесть лет спустя их насчитывалось уже около 50 тысяч. Этот факт не мог не обратить на себя внимание правительства, тем более, что вскоре состоялись два покушения на жизнь императора Вильгельма. Покушения эти были приведены в связь с возрастанием числа социалистов, и Бисмарк таким образом был поставлен в необходимость заняться этим жгучим вопросом, совершенно забыв о нем со времени своих продолжительных бесед с Лассалем. Тут он вдруг вспомнил об этих беседах, вспомнил, что существует на свете какой-то социальный вопрос, что правительство должно что-нибудь предпринять, чтобы предотвратить столь быстрый рост социальной партии. Как же он принимается за дело? Прежде всего он со свойственной ему решительностью составляет драконовский репрессивный закон, затрагивающий интересы всех партий, потому что закон этот в сильной степени стесняет право публичного обсуждения политических вопросов вообще. Рейхстаг отказывает в одобрении законопроекта подавляющим большинством – 251 голос против 57. Только после вторичного покушения на жизнь императора Вильгельма новый рейхстаг одобряет закон, но со значительными ограничениями и притом только на короткий срок. Однако сам Бисмарк чувствовал, что одними репрессивными мерами

социального вопроса решить нельзя. И вот он начинает действовать в двух направлениях, чтобы одолеть социалистов. С одной стороны, он, как сказано, вспоминает свои беседы с Лассалем и провозглашает, что правительство обязано позаботиться о судьбе рабочих; с другой стороны, он принимает уже на собственную руку целый ряд экономических мероприятий, которые, по его мнению, должны обеспечить благосостояние народных масс. Результатом деятельности Бисмарка в первом направлении являются законы о страховании рабочих на случай увечий и неспособности к труду; а во втором направлении – пресловутая хлебная пошлина и усиленный протекционизм. Мысль об обеспечении судьбы рабочих на случай неспособности к труду очень симпатична, хотя и трудно осуществима в размерах, действительно обеспечивающих рабочих, потому что их достаток очень незначителен, и, следовательно, они сами не располагают средствами, необходимыми для широкого осуществления этого плана. Тут требуется содействие со стороны государства, а финансы большинства государств, ввиду бесконечных вооружений, не так блестящи, чтобы уделить значительные суммы на эту благую цель. Сгоряча Бисмарк заговорил о том, что не мешало бы ассигновать 100 миллионов, но когда его законопроекты о страховании рабочих получили уже осязательную форму, оказалось, что он предоставляет рабочим самим позаботиться о себе с некоторым только участием правительства и предпринимателей. Гора, в сущности, родила мышь: пособия и пенсии, выдаваемые на основании, придуманном Бисмарком, так ничтожны, что они мало обеспечивают рабочего. Надо надеяться, что социальное законодательство получит со временем более широкое развитие, и можно порадоваться, что мысли Лассаля постепенно на практике осуществляются; но само собою разумеется, что в том виде, в каком их осуществлял Бисмарк, они приостановить дальнейшего быстрого роста партии социалистов не могли, тем более, что вся остальная экономическая политика Бисмарка подрывала благосостояние рабочих. Действительно, даже самые горячие сторонники Бисмарка признают, что его экономическая политика представляет собою странное смешение самых противоречивых и непоследовательных мероприятий.

Он сам неоднократно называл свою политику реальной, то есть основанной преимущественно на фактах, а не на теоретических взглядах или убеждениях. Факты же заключались в следующем. Германская империя, возникшая путем кровопролитных войн и нарушения жизненных интересов других государств, постоянно должна была быть готова к новым войнам

на случай, если ее могущественные соседи пожелают со своей стороны начать воинственную политику. Поэтому последней приходилось деятельно заботиться о вооружениях, а беспрерывные вооружения требовали громадных денежных средств. Таким образом, Бисмарк был поставлен в необходимость постоянно приискивать новые источники доходов, пополнять имперское казначейство, истощаемое военным ведомством. Отсюда бесконечные его пререкания с рейхстагом, принимавшие иногда такие же широкие размеры, как в пресловутое время конфликта шестидесятых годов. Нельзя отрицать, что в приискании новых источников доходов Бисмарк проявил некоторую изобретательность, но эта изобретательность шла у него рука об руку с большой неразборчивостью и полным непониманием последствий тех или иных финансовых мероприятий. Он отвергал политическую экономию и создавал собственные экономические теории чрезвычайно сомнительного достоинства или даже прямо несостоятельные. Отрешившись от политической экономии, он заменил ее лично вынесенным опытом, опытом крупного землевладельца северо-восточной Германии. Это, разумеется, означало замену выводов, основанных на всемирном опыте и широких данных, выводами, почерпнутыми из сравнительно недостаточных наблюдений. Но к этому примешивался еще третий элемент. Бисмарк очень часто пользовался теми или другими экономическими мероприятиями для того, чтобы наносить удары своим политическим противникам. Таким образом, происходило смешение экономических мероприятий с политическими. И вот эту амальгаму он и называл реальной экономической политикой, признавая ее единственно спасительной в отличие от осмеянной им “манчестерской” политической экономии. В результате получилось следующее. Для удовлетворения потребностей казначейства, истощаемого военным ведомством, он постоянно возвышал матрикулярные взносы отдельных германских государств, изобретал бесконечные налоги, подрывавшие благосостояние народной массы, добивался казенных монополий (табачной, винной); как практический сельский хозяин, он придумал хлебные пошлины для ограждения интересов сельского хозяйства; для ограждения интересов рабочих он устанавливал высокие таможенные пошлины, но в то же время пользовался ими и для нанесения ударов своим политическим противникам; ту же окраску приобретали в его руках и хлебные пошлины. Он до того увлекся своею ролью спасителя отечества в экономическом отношении, что даже взял в свои руки управление министерством торговли. Каковы же были последствия всех этих мероприятий

имперского канцлера? В области чисто финансовой он вскоре истощил податную способность населения: дальнейшее повышение матрикулярных взносов оказывалось невозможным, все, что могло быть обложено, было обложено, а производительность налогов сокращалась вследствие уменьшения благосостояния народной массы; табачная и винная монополии были решительно отвергнуты рейхстагом; хлебные пошлины подорвали благосостояние рабочего люда, вызвав вздорожание хлебных продуктов вопреки странной теории Бисмарка, что хлебные пошлины уплачиваются иностранным производителем, а не германским потребителем; усиленные таможенные пошлины, естественно, вызвали отпор со стороны других государств, в свою очередь обложивших германские фабрикаты высокими пошлинами, и в результате получилось сокращение германского отпуска, то есть застой в германской промышленности; наконец все это, вместе взятое, отразилось, конечно, весьма невыгодно на судьбе рабочего люда, и число социалистов не только не уменьшалось, а продолжало возрастать с неимоверной быстротой. Мы видели уже, что после создания Германской империи число социалистов-избирателей простиралось до 25 тысяч, а на выборах 8 февраля 1890 года их было уже полтора миллиона, то есть оказалось, что социалисты составляют уже седьмую часть всего германского населения. Таков результат репрессивных и экономических мероприятий, придуманных Бисмарком в его энергической борьбе с социалистами: он капитулировал следовательно не только перед клерикалами, но и перед социалистами, и если применить к нему логику фактов, единственную, которую он сам признавал верной, то над его политикой приходится произнести беспощадный приговор.

Посмотрим теперь, была ли удачнее его парламентская тактика, одержал ли он победу над рейхстагом, которому он постоянно бросал вызовы и с которым находился в беспрерывной войне. Тотчас после создания Германской империи шансы были для него очень благоприятны: он располагал большинством в 260 голосов против 136. Патриотическое возбуждение было в тот момент так сильно, что оппозиция казалась побежденной. Открывались благоприятные виды на будущее. Германия была объединена или, выражаясь словами самого Бисмарка, была посажена в седло, и оставалось только научить ее править конем. Так выразился Бисмарк. Но слово у него разошлось с делом. Германия сидела на коне, но управлять ею хотел сам Бисмарк, и вот сразу получилось такое положение, что Германия и Бисмарк стали друг у друга вырывать поводья. Прежняя беспрерывная глухая вражда между Австрией и Пруссией заменилась глухой

борьбой между канцлером и рейхстагом. Не прошло и двух лет после франко-прусской войны, как с новой силой возгорелся конфликт между законодательной и исполнительной властью, каким ознаменовалось вступление Бисмарка во власть в 1862 году. Тогда Бисмарк постоянно прибегал к двум приемам, чтобы преодолеть сопротивление народного представительства: во-первых, к распущению, а во-вторых – к вечным указаниям на внешние опасности, угрожающие стране. Ту же тактику он начал пускать в ход и теперь. Создав себе массу противников и недоброжелателей, сплотив своей нерациональной политикой враждебные ему партии (клерикалов и социалистов) или содействовав распадению преданных ему партий (национал-либералов), он решительно не был в состоянии справиться с народными представителями, не умел возбуждать такие законодательные вопросы, на почве которых возможны были дружные усилия большинства немцев, направленные к обеспечению благосостояния объединенной Германии. Он начал свою деятельность с того, что бросил вызов 17 миллионам католиков; затем своими ретроградными политическими и экономическими мероприятиями вызвал охлаждение к себе влиятельной национал-либеральной партии; своей же внешней вызывающей политикой, сопряженной с бесконечными вооружениями, он заставил многих сомневаться в плодотворности того германского объединения, которое являлось результатом двух кровопролитных войн. Наконец реакционное направление политики Бисмарка усиливало ряды немецких либералов или так называемых свободомыслящих. Таким образом, Бисмарк восстановил против себя почти все партии. С каждыми новыми выборами парламентская оппозиция усиливалась. Если в семидесятых годах еще было возможно управлять страной при помощи рейхстага без каких-нибудь чрезвычайных мер, то в восьмидесятых положение дел настолько ухудшилось, что уже трудно было придерживаться конституционного режима. В 1884 году оппозиция насчитывала в своих рядах 235 депутатов, а правительственное меньшинство составляло всего 158. Антипатия, которую возбуждал Бисмарк, достигла таких размеров, что, когда он в этом году потребовал ничтожного увеличения штата своей канцелярии, с целью облегчения лежащего на нем бремени, рейхстаг ему в этом отказал. Бисмарк отвечал на противодействие парламента заносчивыми фразами, вроде: “Меня не устрашает вся Европа; неужели вы думаете, что я спасую перед большинством рейхстага?”. Но в душе он сам сознавал, что положение дел становится безвыходным. Он распускал рейхстаг, но новые

выборы постоянно давали неблагоприятные результаты. При таких условиях ему ничего не оставалось, как пойти на уступки, а так как центр был самой влиятельной партией и в союзе с консерваторами мог доставить Бисмарку большинство, то знаменитый вождь центра Виндгорст одерживал одну победу за другой. Но что же означала в сущности такая тактика? Бисмарк одной рукой разрушал то, что созидал другой. Желая провести ту или другую экономическую меру, он должен был заручиться расположением центра; стремясь одержать верх в культурной борьбе, он должен был делать уступки национал-либералам, то есть подрывать свою реакционную экономическую политику, которой те не сочувствовали; обеспечивая интересы рабочих масс, он отчуждал от себя представителей крупной промышленности и крупного землевладения; поддерживая интересы крупной собственности, а на ее стороне находились все его личные симпатии, – он ставил себя в невозможность деятельно заботиться о благосостоянии рабочего люда.

Между тем объединение Германии составляло идею, которой было предано подавляющее большинство депутатов, и патриотизм их в этом отношении был выше всяких сомнений; следовательно, вопрос заключался в том, чтобы уловить, понять преобладающие задачи времени в духе тех возвышенных чувств, которыми воодушевлены были депутаты, не разжигать политических и религиозных страстей партий, а, напротив, объединять их идеей служения отечеству на почве тех великих задач обеспечения интересов культуры и благосостояния народных масс, над решением которых должна трудиться всякая страна. Политика Бисмарка за двадцать лет его управления делами объединенной Германии служит несомненным доказательством, что он до этой плодотворной роли возвыситься не мог: он отыскивал только врагов; он требовал подчинения, а не дружной работы; энергии он проявил немало, но направлена она была на то, чтобы создавать себе врагов, которые в конце концов его одолели, потому что каждый из них боролся за жизненный интерес, за кровное дело, а сам Бисмарк не сумел воодушевить немцев сознанием общего великого дела, поставить задачу объединенной Германии выше задач отдельных партий, отдельных общественных классов. Великим государственным деятелем он не был, а простым конституционным министром он быть не хотел.

Бисмарк ясно видел, что он терпит поражение за поражением. Борьба с Австрией и Францией между тем доставила ему громкую славу. И вот мы видим, что в решительные моменты своих столкновений с парламентом он круто поворачивает фронт,

устраняет внутренние задачи, доставившие ему поражения, и указывает на внешние задачи. Они составляли для него всегда благодатную почву. Вследствие успехов прусского оружия он приобрел славу гениального дипломата; кроме того, внешняя опасность возбуждала патриотический пыл. Рейхстаг не одобряет той или другой меры чисто внутреннего характера или не соглашается на дальнейшее увеличение и без того грозных боевых сил Германии, – Бисмарк распускает парламент и, чтобы подготовить более благоприятные выборы, придумывает внешний инцидент, умышленно раздувает пограничные столкновения (инциденты Шнебеле, Кауфмана, постройки французами каких-то бараков недалеко от границы, которые на поверку оказываются простыми сараями для хранения сена). Но, независимо от этих инцидентов более или менее искусственного характера, Бисмарк имел возможность ссылаться на действительные опасности, угрожающие Германии, потому что своей вызывающей политикой он сам же создавал их без конца.

Десятилетие, следовавшее за франко-прусской войной, во многом напоминало предшествовавшее ей десятилетие, с той разницею, что теперь Россия заняла место Франции. Мы видели, что Бисмарк обнадеживал разными обещаниями Наполеона III, чтобы побудить его не нарушать нейтралитета во время войны 1866 года. Он достиг своей цели: Франция могла нанести Пруссии страшный удар, но она, рассчитывая на честность Бисмарка, воздержалась от вмешательства и горько за это поплатилась в 1870 году. Когда шли дипломатические приготовления к франко-прусской войне, Бисмарк не мог не задуматься над вопросом, какое положение займет Австрия. Более чем естественно было предположить, что она пожелает воспользоваться столкновением между Францией и Пруссией, чтобы отплатить за Кениггрец и вернуть потерянное. Но Пруссия не могла вести войны одновременно с двумя такими сильными противниками. Пришлось, следовательно, добиваться нейтралитета Австрии. Соглашение с ней, понятно, было невозможно; осталось только заставить ее соблюдать нейтралитет, и Россия согласилась принять на себя роль охранительницы прусских интересов: Австрия убедилась, что если она вздумает воспользоваться франко-прусской войной для того, чтобы напасть на Пруссию, ей придется иметь дело с вооруженными силами России.

Понятно, что таких услуг даром никто не оказывает. Вековая дружба России с Пруссией побудила нашу дипломатию стать на сторону Пруссии в расчете, конечно, что последняя, в свою очередь, не откажется поддержать Россию, если она в этом будет

нуждаться. Таким образом, по отношению к России получилось точь-в-точь такое положение, какое раньше существовало по отношению к Франции. Но дело разыгралось на этот раз несколько иначе. Бисмарк не довольствовался ударом, нанесенным Франции; он полагал, что ее надо добить, saigner a blanc[4], как выразился он сам впоследствии, и пожелал, чтобы Россия и на этот раз оказала ему ту же услугу, что в 1870 году. Но наша дипломатия в это время уже спохватилась, и, когда Бисмарк пустил пробный шар и затрубил в своих газетах новый поход против Франции, император Александр II приехал в Берлин и решительно воспротивился новому разгрому Франции. Это случилось в мае 1875 года. Бисмарк так рассердился, что удалился в Варцин и прожил там безвыездно почти шесть месяцев, втайне раздумывая, как отплатить России. Вся его дальнейшая политика свидетельствует о том, что он в своем гневе против нашей дипломатии сильно зарвался. Его отзывы о князе Горчакове, которого он до этого момента признавал очень тонким дипломатом, вдруг стали желчны. Словом, и в этом случае, как всегда раньше, он руководствовался преимущественно личным своим настроением, а не хладнокровно взвешенными интересами своего отечества. Настал 1876 год. Вспыхнуло восстание в Боснии и Герцеговине, произошла резня в Болгарии. Турция противилась вмешательству держав во внутренние свои дела. Обеспечение участи Болгарии могло, очевидно, быть достигнуто только путем войны. Россия стала к ней готовиться, и в Берлине состоялись совещания между Бисмарком, Горчаковым и Андраши. Ни Бисмарк, ни Андраши, понятно, не противились войне, напротив, поощряли к ней Россию, потому что ослабление ее входило в расчеты Австрии, а также и Пруссии с тех пор, как последняя убедилась, что наша дипломатия не допустит нового разгрома Франции. Австрия только потребовала, чтобы военные действия не распространились на Константинополь (такого рода обещание и было дано русским правительством) и чтобы перемены, которые предпримет Россия после войны на Балканском полуострове, были одобрены европейским конгрессом. Заручившись нейтралитетом Австрии, Россия начала войну, которая после энергического сопротивления Турции окончилась в 1878 году полным поражением последней. Константинополь остался вне сферы военных действий, и мир был заключен в Сан-Стефано, а мирный договор подвергнут обсуждению берлинского конгресса. Не только на этом конгрессе, но уже раньше, когда шли переговоры о приближавшейся войне, Россия имела случай убедиться, что Бисмарк вяло защищает ее интересы. Когда исход войны выяснился, наши победоносные войска приближались к

столице Турции, и Австрия как бы начала готовиться к военному вмешательству, из Берлина ей не дано было знать, что в случае вмешательства она будет иметь дело с прусским военным могуществом. Если вспомнить 1870 год и ту услугу, которую тогда Россия оказала Пруссии, то надо будет признать, что Пруссия отплатила России такой же черной неблагодарностью, какой отплатила нам Австрия за спасение ее в 1849 году. На берлинском конгрессе Бисмарк, как известно, разыграл роль “честного маклера”. Результатом этой роли было полное искажение Сан-Стефанского договора в ущерб России. Против создания объединенной Болгарии самым решительным образом восстала дипломатия, хотя она впоследствии, когда Болгария сама приступила к этому объединению, но уже в качестве врага России, нисколько ему не противилась. Для всякого очевидно, что если бы Бисмарк выступил не в роли “честного маклера”, а в роли стойкого и испытанного друга России, то есть отплатил бы ей услугой за 1870 год, то дела приняли бы совершенно иной оборот. Сам Бисмарк это вполне сознавал, да и не мог не сознавать, потому что он же подготовлял дипломатическое поражение России. Поэтому тотчас после берлинского конгресса он стал усиленно добиваться заключения союза с Австрией. Уже после 1875 года Бисмарк начал мечтать об этом союзе, но встречал мало предупредительности со стороны Австрии. Когда же создалось болгарское княжество, на которое все смотрели как на авангард России на Балканском полуострове, Австрия, опасаясь за свое положение на востоке после того, как она так много проиграла на западе, поспешила принять предложение князя Бисмарка, и граф Андраши перед своим выходом в отставку заключил в 1879 году наступательно-оборонительный союз с Бисмарком. К этому союзу впоследствии присоединилась и Италия, соблазненная надеждой возвратить себе Ниццу и Савойю. Таким образом, состоялась дипломатическая комбинация, направленная одновременно против Франции и России, как об этом заявил восемь лет спустя сам Бисмарк в знаменитой речи, произнесенной им в рейхстаге 25 января (6 февраля) 1888 года.

Впрочем, сколько-нибудь дальновидные государственные люди и публицисты задолго до этой речи, до обнародования в конце 1887 года договора о тройственном союзе, предусматривали, к чему приведет Бисмарка тактика, которой он придерживался с 1875 года. Недовольный Россией, он всячески старался дать ей почувствовать свою сильную руку. Заключив в 1879 году союз с Австрией, он стремился поочередно присоединить к этому союзу все другие государства, не тяготевшие ни к Франции, ни к России. Румыния, Сербия, Греция,

Турция, Испания, Англия, Швеция и Норвегия прямо или косвенно приглашались присоединиться к “лиге мира”. Представители всех этих государств совершали паломничество в Берлин, желая по возможности дороже продать свою дружбу германскому имперскому канцлеру. Делая вид, что он поддерживает дружественные отношения с Россией, он на деле собирал против нее все доступные ему силы и, где не мог заручиться прямым союзом, старался по крайней мере обеспечить за собой дружественный нейтралитет. Уже в самом факте заключения этой “лиги мира” содержался скрытый вызов по адресу России, потому что она выставлялась державой, склонной прибегнуть к оружию. Наша дипломатия отвечала на весь этот поход Бисмарка молчанием, бездействием. Возник опасный болгарский кризис, во время которого нашей дипломатии пришлось иметь дело с соединенными силами Австрии, Турции, Англии и Италии при вполне безучастном на вид отношении Германии. В то время как Россия лишалась плодов кровопролитной войны на Балканском полуострове, Бисмарк продолжал повторять свою стереотипную фразу о “костях померанского гренадера”. Для всех, однако, было очевидно, что если бы он этой фразы не повторял, если бы он дал почувствовать, что в случае надобности Германия станет на сторону России, то болгарская передряга разыгралась бы совершенно иначе. Россия и на этот раз промолчала, как бы мирясь со своей неудачей в Болгарии. Но игра Бисмарка была слишком уж очевидна. Пруссия продолжала усиленно вооружаться и, потребовав от рейхстага увеличения мирного состава армии на 40 тысяч человек, вслед за тем внесла новый законопроект о ландвере и ландштурме, увеличивающий численность германской армии в военное время на 500 тысяч человек. Одновременно шли такие же усиленные вооружения и в Австро-Венгрии. При таких обстоятельствах состоялся приезд императора Александра III в Берлин. До чего дошел задор Бисмарка в этот момент, можно судить по следующему факту. Свиданию предшествовал рьяный поход всех германских официозных газет против финансов России: Россия выставлялась на краю банкротства, немецким капиталистам предлагалось во что бы то ни стало отделаться от русских бумаг, которые за два года перед тем, во время афганского кризиса, когда Бисмарк рассчитывал втянуть Россию в войну с Англией в Средней Азии, выставлялись его официозами и им самим ценностями вполне солидными; мало того, перед самым приездом императора Александра III в Берлин последовало запрещение германскому имперскому банку выдавать ссуды под русские бумаги;

результатом же всего этого было понижение нашего вексельного курса до полтинника за рубль. Вот при какой обстановке Бисмарк устроил свидание с русским императором. Аудиенция продолжалась полтора часа. Бисмарку были предъявлены подложные документы, в которых заключались указания на истинную роль, сыгранную им в болгарском вопросе. Он удовольствовался установлением подложности этих документов. Вот все, что известно о состоявшемся свидании. Но вслед за тем появилась в “Русском инвалиде” статья, в которой заявлялось, что России “не страшны силы всей лиги мира”. Это было первое официальное признание с русской стороны острого характера международного кризиса. В ответ на эту статью князь Бисмарк произнес в рейхстаге, защищая законопроект об увеличении германской армии на 500 тысяч человек, упомянутую уже речь, которую можно назвать его лебединой песнею. В этой речи он заявлял, что Германия может выставить “против Франции и России по миллиону вполне обученных и прекрасно вооруженных войск” и что она “никого, кроме Бога, не боится”. Дальше, по пути угроз, идти было нельзя, и надо признать, что если Германия избежала войны с Россией после страшных войн, которые она вела с Австрией и Францией, то она этим обязана во всяком случае не Бисмарку.

25 января (6 февраля) 1888 года Бисмарк произнес свою грозную речь, а 26 февраля (9 марта) императора Вильгельма I не стало. Для Бисмарка настали, как он сам выразился, “самые трудные дни в его жизни”. Это чистосердечное признание крайне характерно для уяснения взгляда Бисмарка на государственное дело. Казалось бы, что самыми трудными днями для него должны бы быть те моменты, когда Пруссии угрожала война с Австрией и Францией, когда решалась судьба Германской империи; теперь же Германия была объединена, серьезным опасностям ее единство не подвергалось, смертельная болезнь Фридриха III, как она ни была прискорбна в других отношениях, менее всего огорчала самого Бисмарка, потому что взгляды этого несчастного монарха диаметрально расходились со взглядами Бисмарка, престолонаследие было вполне обеспечено – значит, все обстояло сравнительно благополучно, – и тем не менее, Бисмарк признает стодневное царствование Фридриха III “самыми тяжелыми днями” в своей жизни. Все могли ожидать, что Бисмарку придется выйти в отставку. Фридрих III, когда был кронпринцем и тотчас по вступлении на престол, неизменно заявлял о своем твердом намерении управлять страной в строго конституционном духе. Манифест нового императора был составлен без участия канцлера, и ему официально предлагалось только принять к

сведению и руководству “те начала, которые императором предначертаны”. Бисмарк чувствовал, что бразды правления ускользают из его рук, и не особенно рассчитывал на сына Фридриха III, проявлявшего, несмотря на свою молодость, большую решительность. Недаром Бисмарк о нем говорил; что “он сам будет своим канцлером”. Болезнь Фридриха III была слишком серьезна, чтобы он мог приступить к каким-нибудь решительным правительственным мероприятиям. Тем не менее в Германии повеяло новым духом. Все, однако, знали, что дни столь симпатичного монарха сочтены. Взоры обращались на наследника престола, и тот, по-видимому, не намеревался отступать от заветов своего дела и, между прочим, не хотел расставаться и с Бисмарком. Ходили слухи о воинственности Вильгельма II, и опять-таки чрезвычайно характерно для Бисмарка то обстоятельство, что в этой воинственности молодого монарха общественное мнение усматривало верную гарантию того, что Бисмарк останется у власти. Но, как вскоре обнаружилось, толки о воинственности Вильгельма II не оправдались. Он вовсе не проявлял склонности продолжать агрессивную политику своего канцлера, выразившуюся так ярко в возгласе: “Мы, немцы, никого, кроме Бога, не боимся”. Тотчас по вступлении на престол молодой император попытался дать более миролюбивое направление политике германского правительства. Подобно своему отцу, он заявил о твердом своем намерении управлять страной конституционно, удовлетворить справедливые требования рабочего люда, устранить острый кризис в отношениях с Россией. Таким образом, между программою нового монарха и программою его канцлера обнаружилось существенное разногласие. Бисмарку пришлось публично признать, что он новому императору “не импонирует”. Но в сущности шансы канцлера были гораздо хуже: он сам не отдавал себе отчета, что даже при лучшем желании императора он мог оставить его во власти только в том случае, если Бисмарк признает свою политику ошибочной и вместе с тем будет впредь гораздо уступчивее. Действительно, продолжать политику германского канцлера по отношению к России значило довести дело до войны; продолжать политику Бисмарка по отношению к рейхстагу значило окончательно лишиться в нем правительственного большинства; продолжать политику Бисмарка в сфере экономической значило нанести народному хозяйству непоправимый вред, ибо, несмотря на таможенные пошлины, привоз превышал уже отпуск на 800 миллионов марок, отпускная торговля Германии пришла в явный упадок, а между тем привоз земледельческих продуктов все усиливался, несмотря на

пресловутые хлебные пошлины; продолжать политику Бисмарка по отношению к социалистам, как мы видели, также не было возможности.

Таким образом, отставка князя Бисмарка была вовсе не капризом императора Вильгельма II, тяготившегося будто бы опекой своего канцлера: она была неизбежна вследствие целого ряда крупных промахов, совершенных Бисмарком. Гениальность его представляется нам, следовательно, в очень странном свете. По всем отраслям управления он попал в глухие переулки, из которых не было выхода. Он посадил государственный корабль на мель, и нужно было во что бы то ни стало избрать “новый курс”, чтобы не наскочить на подводный камень и не потерпеть окончательного крушения. Конечно, “новый курс” мог быть избран и при участии Бисмарка, но, понятно, только в том случае, если бы он признал свои промахи с твердым намерением их больше не повторять. Но Бисмарк был далек от подобного настроения; напротив, он по-прежнему был уверен в непогрешимости своих взглядов: он не мог отрешиться от убеждения, что он – величайший государственный человек своего времени и что отказаться от его советов значит погубить Германию. 8 (20) марта 1890 года его отставка была подписана императором Вильгельмом II вместе с производством его в генерал-фельдмаршалы и присвоением ему титула герцога Лауэнбургского.

Общий вывод

Образ действий Бисмарка по выходе его в отставку служит новым доказательством того характера его деятельности, который так резко обозначается всеми вышеизложенными фактами. Как только он был уволен, он из бывшего правительственного деятеля, посвятившего, по его собственным словам, всю свою жизнь и все свои силы служению дому Гогенцоллернов, превращается в глухого, но ярого антагониста молодого германского императора. Последний не без сильных колебаний и внутренней борьбы решился на увольнение государственного деятеля, пользовавшегося, благодаря ловкости, с какой он себя выставлял объединителем Германии, большой популярностью в стране и, следовательно, придававшего обаяние правлению молодого и, понятно, еще неопытного монарха. Но, как мы видели, Вильгельм II вынужден был расстаться с Бисмарком ввиду полной невозможности продолжать его политику. Устраненный от власти, Бисмарк всеми средствами, какими только располагал, старался доказать императору, что он – человек необходимый. Сперва он угрожал, что появится в рейхстаге в качестве простого депутата и будет выяснять пагубность “нового курса”. Он действительно и принял кандидатуру, дал себя избрать в рейхстаг, но, должно быть, сам понял, как комична будет его роль в качестве простого деятеля оппозиции после того, как он в том же рейхстаге в течение двух десятилетий клеймил кличкой государственного изменника всякого, кто только осмеливался высказываться против правительства. Свою угрозу он так и не привел в исполнение. Зато прибег к другому средству оппозиции. Недаром в течение стольких лет он пользовался Вельфским фондом для подтасовки общественного мнения и для возвеличивания своего имени при помощи печати. Конечно, в его распоряжении не было теперь уже таких значительных денежных средств; приходилось раскошеливаться из собственного кармана. Поэтому преданных Бисмарку органов оказалось сравнительно немного: две-три газеты, и притом не из особенно влиятельных. Но через посредство этих-то газет Бисмарк и начал всячески дискредитировать правительственные мероприятия. Кроме того, он пользовался с той же целью еще и устным словом, когда к нему по разным поводам являлись газетные корреспонденты, частные лица или целые депутации.

Что же проповедовал Бисмарк в инспирированных им статьях, в своих беседах и речах? Что бы ни делало правительство, можно

было уже наперед быть уверенным, что Бисмарк выскажется против него. В силу обстоятельств, то есть чтобы загладить совершенные им крупные ошибки, правительству императора Вильгельма II пришлось вступить в явное противоречие с его политикой: пришлось искать сближения с Россией, чтобы устранить вызванный Бисмарком острый международный кризис; ослабить таможенную борьбу путем заключения торговых договоров с Россией, Австрией и другими государствами, чтобы увеличить сильно пострадавший отпуск германских товаров и дать работу остававшимся без заказа фабрикам; понизить хлебные пошлины, чтобы обеспечить пропитание рабочих масс, так сильно пострадавших от нерациональной экономической политики бывшего канцлера. Все это и было сделано правительством. Бисмарк решительно протестовал против всех этих мероприятий, и притом как? Мы уже указывали, что он сам довел дело почти до разрыва с Россией. Благодаря миролюбивой политике императора Вильгельма II, отношения к России изменились к лучшему: призрак войны, временно по крайней мере, исчез. Таким образом, выяснилось, что и помимо бесконечных угроз, помимо крайне агрессивной политики можно жить в дружбе с Россией, а германский народ, дорожа миром, видел теперь, что путь, избранный Бисмарком, был по существу своему ложный, что мирные отношения только выигрывают от его отставки. А Бисмарк, между тем, так долго убеждал германский народ, что предотвратить войну с Россией можно только постоянными угрозами! Что же ему оставалось делать? Он в своих газетах начал доказывать, что император Вильгельм неизбежно доведет дело до разрыва с Россией, что он в своей политике совершает ряд крупных ошибок. Но мог ли он кого-нибудь убедить в этом, когда наступившее общее успокоение так красноречиво говорило против него? Пришлось бросить оппозицию в этом направлении. Он стал доказывать, что экономическая политика императора Вильгельма приведет Германию к банкротству. Но и тут факты противоречили его словам. Отпуск удалось, благодаря заключенным торговым договорам, удержать на прежнем уровне или даже повысить, а хлеб стал в Германии дешевле и вместе с тем увеличилось благосостояние рабочих масс. От этой оппозиции, следовательно, пришлось также отказаться. Тогда Бисмарк начинает пророчить всевозможные напасти от более гуманного отношения правительства к полякам или доказывать, что английское влияние становится всемогущим при дворе. Против английского влияния он восставал в течение долгих лет, потому что император Фридрих III, не сочувствовавший взглядам Бисмарка

по внутренней политике, был женат на дочери королевы Виктории. Но тем не менее, он все рассчитывал добиться присоединения Англии к тройственному союзу, а когда император Вильгельм II начал делать визиты своей бабке, когда, казалось, между Англией и Германией завязывались очень близкие отношения, Бисмарк в страстных статьях выяснял пагубность сближения с Англией. Мало того, он начал даже отрекаться от творения собственных рук, от тройственного союза, видя, что император Вильгельм продолжает держаться этого наследованного им от Бисмарка союза. Он требовал, чтобы Германия сделала выбор между Россией и Австрией; а давно ли он сам доказывал, что этот выбор был бы для Германии гибельным, кого бы она ни избрала? Словом, в своей оппозиции против правительства императора Вильгельма он дошел до отречения от капитальнейших пунктов своей политической программы, мало того, вызвал новый раздор, новую трещину в здании объединенной Германской империи. Молодому императору приходилось в публичных своих речах заявлять, что он “двух хозяев” в своей стране допустить не может, что он “уничтожит” тех, кто подрывает его власть. Эти слова были совершенно ложно истолкованы общественным мнением. В них усматривали угрозы по отношению к рейхстагу, волю которого он, однако, ни разу не нарушил. Но, как бы то ни было, получалось весьма непривлекательное и недостойное положение дел: обаяние молодого императора страдало, чувствовался раздор в высших сферах, находивший себе отголосок во всей стране, и снова подтвердилось, что Бисмарк личные счеты ставит выше патриотизма, что он остается до конца себе верен. В самом деле, если он в прежнее время вступал в ярую борьбу с общественным мнением, не страшился вызывать ужасные войны, которые могли кончиться гибельно для Пруссии, если он раздражал, вызывал на бой всех, кто не сочувствовал его планам, то можно ли было ожидать, что он пощадит того, кто лишил его власти?

Император Вильгельм II отнесся к нему слишком серьезно. Случайное обстоятельство выяснило это и показало, как мелки, в сущности, чувства Бисмарка. Он заболел. Император послал ему бутылку старого вина и предложил для его пребывания один из своих замков в южной Германии, где климатические условия лучше. Бисмарк тотчас же растаял и приостановил свою яростную оппозицию. В нем воскресла надежда, что его опять призовут к власти: очевидно, он не понимал, что песенка его бесповоротно спета – не в силу каприза монарха или каких-нибудь придворных интриг, а вследствие выяснившейся внутренней несостоятельности его государственных воззрений. Студент-

бретер, записной кутила, приводивший всех в ужас своими сомнительными подвигами, общественный деятель, бросавший вызов общественному мнению, реакционный министр, вызывающий всю страну на бой, дипломат, не пропускавший случая, чтобы с кем-нибудь не повздорить, канцлер, как бы умышленно подготовлявший кровопролитные и опасные войны, бросавший перчатку и Франции, и России, государственный деятель в отставке, жаждущий померяться силами с уволившим его императором, – все это один и тот же Бисмарк. Мы тотчас же его узнаем, в каком бы виде он перед нами ни предстал. Слишком бурный, слишком страстный, слишком склонный вступать в личную борьбу, чтобы быть на высоте выпавшей на его долю великой роли, он, благодаря могучей своей натуре, своему знанию людей и находчивости в сношениях с ними, благодаря ловкости, с какой он умел выдвигать свою личность при помощи шумных выходок, соответствовавших его темпераменту, и при помощи той великой силы, которую мы называем печатью и которая служит в равной мере и возвышенным идеям, и планам разных честолюбцев, но главным образом благодаря двум счастливым войнам, сумел приобрести громкую известность первоклассного государственного деятеля. Мы, кажется, выяснили на основании бесспорных исторических фактов, что великим государственным деятелем его назвать нельзя, потому что главный лавр – объединение Германии – не удержится в венке его славы[5]. Он к этой цели последовательно не стремился, он не подготовлял достижения этого результата, который был достигнут, вопреки всем совершенным им ошибкам, благодаря прусской армии и вековым усилиям самого народа. Таким образом, громкая его слава могла бы казаться загадочной, если бы мы не знали, что она основана на ложных представлениях, будто бы Бисмарк является главным виновником объединения Германии и ему не предшествовал Меттерних, слава которого гремела в свое время еще громче, но при трезвом историческом анализе в значительной степени оказалась мыльным пузырем.

notes

Примечания

1

заведомо, наперед*(лат.)*

юридически, в силу закона, но не на деле *(фр.)*

фаэтонов политический полет *(нем.)*

обескровить, истощить *(фр.)*

5

Сам Бисмарк это сознает. Когда обнародован был дневник Фридриха III, подтверждавший незначительность участия Бисмарка в деле объединения Германии, он стал официально оспаривать его подлинность, хотя она была для всех очевидна, и дошел в своем гневе до того, что во что бы то ни стало хотел добиться обвинения ближайшего помощника Фридриха III, обнародовавшего дневник, доктора Гефкена, в государственной измене. Это ему, конечно, не удалось: сын Фридриха III не потерпел такой профанации памяти своего отца. Но весь этот инцидент лишний раз подтвердил, на каких шатких основаниях покоится слава Бисмарка как объединителя Германии